

Алтайские народные сказки

Мир алтайских народных сказок.

Алтайские народные сказки – это удивительная страна, параллельная нашему миру, в которой живут, борются, любят и страдают сказочные герои и персонажи. Они выполняют не только роль занимательных рассказов, а восходят к очень древним истокам, когда люди проходили много этапов испытаний, чтобы подтвердить свое право занять не только какой-либо статус в жизни, но и само право жить. Из сказок мы узнаем, как вычленилось из хаоса и одиночества мироздания и строилось общество людей, как складывались взаимоотношения между ними, а также с окружающим их миром. Еще с тех времен стали бытовать сказки о чудовищах – преследователях и гонителях, а также о персонажах - испытателях.

В сказках отражены представления народа о проницаемости границ обитателей верхнего, среднего и нижнего миров при существовании незыблемых правил поведения и поступков в моментах их пересечения, нарушения которых причудливо отражаются в судьбах сказочных героев.

Содержание алтайских сказок наполнено реалиями и отношениями обычного мира, пронизано токами человеческих чувств, поэтому в них все узнаваемо и родное.

Желаю читателям приобщения к прекрасному миру алтайских сказок, новым повествованиям о добре и зле, а также о многих других гранях человеческих чувств и помыслов. Пусть путешествие в неизведанную ли, знакомую ли страну сказок затронет добрые струны вашей души.

Т. Садалова, фольклорист.

Садалова Т.М.

Алтайские народные сказки.

ТАЙНА СКАЗИТЕЛЯ КАЙЧИ-МЕРГЕНА И ЗМЕЙ.

авным-давно это было. На Алтае жил сказитель по имени Кайчи-Мерген. Однажды он отпустил своего стреноженного коня. Позже он пошел поймать его. Коня нигде не оказалось, пришлось ему идти и идти в его поисках. «Как далеко мой конь ушел», — подумал он и пошел через ложбины. День-то был жаркий. Он увидел, как разгорался в лесу сильный пожар, мужчина стал тушить его. «Сколько есть сил, буду тушить», — подумал он. Сердце у него было жалостливое, жаль было и цветов, и кустарников, и деревьев, которые слизывал жаркий язык огня. Пока тушил, еще в одном логу кустарники сильно загорелись. Он увидел, как одна черная маленькая змея там все извивалась, но не могла уползти дальше от пожара. «Погодите-ка, хотя это и змея, и я ведь детей растил, а что, если я спасу этого змееныша?», — подумал он так и взял длинный сук и придвинул к ней, змея тут же обвилась вокруг него. Он, осторожно поднял ее, унес туда, где не было огня. Змея уползла в траву.

Когда пожар потух, Кайчи-Мерген наконец-то нашел и привел коня домой. Однажды утром, он снова отпустил своего стреноженного коня. На другой день он пошел за конем. На том же самом месте, где был пожар, он увидел змею, ту же самую черную змею. Она стала его преследовать, поползла вслед за ним. Все шипела, все извивалась вокруг него. Он не стал ее отпугивать, продолжал идти дальше, поймал своего коня. Но та змея

человеку не давала уйти домой, все извивалась вокруг него. Когда он следовал за ней, она ползла впереди, но как только он останавливался, она начинала вокруг него кружиться. «Ну, что делать? А что, если пойти за ней?» — подумал он и пошел за ней. Далеко ушел.

Много гор перевалил. Но как только он попытался повернуть назад, она не давала ему прохода, снова извивалась вокруг него и шипела. «Как бы она не кинулась на меня, да не ужалила», — думал он и снова за ней шел, далеко ушел. Пришли они к россыпям камней под большой скалой. Когда они подошли к этим россыпям, к ней еще змеи примкнули. Он продолжал идти вслед за той же змеей. Теперь невозможно было назад повернуть, кругом были змеи. «Так, я попал в плен, что ли?» — про себя удивился Кайчи-Мерген и пошел дальше. Уставший, не зная, как поступить, он сел на коня. Проехав россыпи камней, он подъехал к подножью скалы, там оказалась глубокая пещера. Та черная змея юркнула туда, а остальные змеи остались на месте, чтобы караулить его. Вдруг он увидел, как из пещеры выползли две большие змеи, одна из них белоголовая, другая златоголовая. Обе змеи открывали рты и высоко поднимали головы. После этого, когда змеи стали открывать рот, Кайчи-Мергену тоже захотелось открыть рот и зевнуть. Когда он зевнул, то круглое змеиное яйцо выскочило из змеи и попало в рот этого человека. Обратного выплюнуть он не смог. Яйцо растаяло и ушло в глотку. И вдруг Кайчи-Мерген стал понимать то, о чем говорят птицы и звери. «Это человек, спасший детеныша змей», — говорили они.

Тут человек стал говорить с ними, стал кланяться, молиться змеям:

— Дух земли, уважаемый, вроде бы вам я ничего

плохого не сделал, змееныша вашего из пожара вытащил. Что вы замышляете против меня?

Тогда одна из змей сказала так:

— Ты нашего детеныша спас от пожара, от гибели. Ты оказался, человеком с добрыми помыслами. Ну, я хочу с тобой поговорить. За то, что ты сделал нам добро, ты будешь понимать языки всех зверей и птиц. О том, что ты сделал, спас змееныша от пожара, стал понимать языки зверей и птиц, никому живому не рассказывай, — сказала она. — Если расскажешь, то плохо будет.

Угощение-прием у этих змей было отменное. Все змеи были к нему добры, все понимали его речь. Они дали ему белый камень, соковице эрдыне. Велели ему спрятать эрдыне, никому не показывать, велели даже жене не показывать.

Ну, наконец-то, он поехал домой. Стал он домой возвращаться — все звери и птицы разговаривают, даже сороки разговаривают о том, как найти еду, где охотиться, где есть падаль — обо всем. Так вот этот бедняга кое-как доехал до своего айла. Приехал в свой айл, жена сварила кислый молочный напиток — чеген и стала сушить выцезенный творог — арчи. Уставший муж ее ни марала, ни косулю не застрелил. Когда понимаешь язык всех животных, горе-беда, как же стрелять в них? Они все, ведь, разговаривают!

Вернувшийся домой Кайчи-Мерген поел и лег спать. Жена на улице сушила арчи. На улице синицы, подлетая, стали раскидывать, клевать арчи. Когда одни стали раскидывать арчи, остальные останавливали их:

— Так мы сможем клевать каждый раз, но, если будете раскидывать, то поколотят, потом не будут на улице сушить арчи, будут нас остерегаться.

Услышав их разговор, засыпающий было Кайчи-

Мерген рассмеялся. Жена, с улицы заругалась, потому что ревновала его:

— Ты с чего один, придуриваясь, разговариваешь? Какую свою женщину вспомнил, отчего твое настроение изменилось, лежишь один, разговариваешь и смеешься? Ты не охотишься, почему без добычи домой приезжаешь? Ты что по женщинам ездешь?!

Он стал оправдываться:

— Нет, нет, на охоте я упал с коня. Я сейчас вспомнил, как стрелял в косулю, как промазал, поэтому рассмеялся.

Ну, всячески ухитряясь, он кое-как успокоил свою жену.

Сколько дней прошло — неизвестно. Жена сварила чеген, поставила его у двери, теперь сама села на улице шить. Кайчи-Мерген увидел, как две мыши, муж с женой, бегали вокруг казана и разговаривали:

— До чего же вкусная эта сметана, какая красивая, прямо-таки блестит, переливается. Как же теперь попробовать ее? Кому-то надо туда спуститься. Если поскользнешься, туда — шуу-у! — грохнешься, там и погибнешь.

Кайчи-Мерген, кое-как сдерживался, чтобы не рассмеяться. Не хотелось их подслушивать, да уши сами слышат. А они продолжают, значит, разговаривать:

— Ну, давай поъем отсюда.

— Как ты хочешь оттуда пить? Ведь упадешь туда. Тогда мышь-жена сказала:

— Ну, я схвачусь зубами за твой хвост, а ты пей.

— А если ты уронишь меня?

— Я тебя не уроню, буду стараться держать, — ответила мышь-жена.

— Нет, сначала ты пей, ты — женщина, детей кормишь, потом я поплю.

Так, вот мышь - муж схватился зубами за хвост жены

и сел на краешек казана. Жена попила - попила и сказала:

— Ну, я напилась. Теперь я сыта, видно, сил у меня хватит тебя держать. Я смогу посидеть, схватившись за твой хвост.

Так они договорились.

— Ну, теперь я попью, — сказал муж и спустился в казан.

Жена, схватившись за его хвост, очень старалась удержать его, но не смогла. Он упал. Мышь - жена стала бегать по краю казана и стала плакать, да причитать:

— Бедный мой супруг, дети мои остались сиротами, что же мне делать? Теперь на меня с детьми никто не посмотрит, дети будут мучиться, что будет со мной. Дорогой мой муж, ведь, ты еще так молод, еще бы жил. Что теперь будет, как теперь я буду одна растить детей?

Так она плакала, рыдала и все бегала, и бегала вокруг казана. А, когда мышка вдруг с края казана свалилась на землю и больно ударилась, мужчина не выдержал, вскочил с постели и громко рассмеялся. Жена прибежала, схватила метлу, стала хлестать его:

— Ты насмехаешься, дразнишь меня. Нашел другую, поэтому ты меня по-всякому чернишь, как вспомнишь о ней, так тут же меняешься.

Все тут было, ругань, царапанье, плевки. О боже-кудай, что делать, что делать! Совсем нет сил, чтобы терпеть все это. Работа, которую нужно было сделать за день, не сделана, и покоя нет, даже хорошо поесть невозможно. Ругань жены с каждым днем усиливалась. Тогда муж с мольбой сказал жене:

— Ну, теперь я не смогу жить спокойно, помру... Не насмеялся я. Столько лет прожили, детей вырастили. Поневоле вот что случилось. Змееныш попал в огонь, а я его спас. Затем он повел меня к своим змеям. Я проглотил

эрдьине и стал понимать их язык. Тут мышь бегала, причитала, над ней я смеялся, до этого еще, когда эти птички, синички разбрасывали арчи, над ними я смеялся. Мышь свалилась в молоко. Ну сними сметану с молока, посмотри — там мышь.

Так оправдываясь, он и вымолил прощение.

— Ну, что теперь будет, пусть знает сам куда.

Переночевали они, утром проснулись — в юрте полно змей. На обручах юрты, в дымоходе — всюду змеи. Что случилось? Потом вдруг что-то с грохотом — «кюрс» — упало, дверь отворилась, вползла старшая белоголовая змея. Старшая змея и спросила:

— Ты нарушил наш уговор, что с тобой случилось, почему раскрыл нашу тайну?

Тогда Кайчи-Мерген так ответил:

— Почтенная, вот что случилось: я выпил крепкий напиток, называемый араки, что перегнала жена из кислого молока. Сильно опьянел, обо всем забыл, оказывается. Ну, я виноват. Не сдержал своего слова. Своей жене я проговорился. Такое вот случилось.

— Тогда, значит, ты не нарочно сказал, выпил араку, да? Немного смягчившись, она змеям велела:

— Давайте, выползайте отсюда.

Змеи оттуда уползли. Женщина была в ужасе и ничего не могла сказать.

— Ты не бойся, — успокоил он ее.

Ну в это время, когда слюна змеи брызнула на женщину, она стала понимать их язык. Слушая их речь дальше, в своей вине она тоже призналась.

— погоди, — сказала старшая из змей, — если это так и от этого горько-ядовитого напитка человек не помнит себя, то ты и нам запаси его. Мы соберемся. Я позову льва, мы попробуем. Если от этого человек и вправду дуреет,

то ты останешься живым. Но, если, не сдержав слова, ты нарочно нарушил его, тебе жизни не будет.

— Я, конечно, согласен. Я целый месяц буду собирать араку. Приходите через месяц. Сколько смогу, запасу этого очень горького напитка. Вынудили же рассказать о том, о чем нельзя было говорить, вот и попал в беду из-за этого. Если бы я не выпил этого напитка, этого яда, я бы и дальше понимал язык всех животных, было бы очень хорошо.

— Ну, пусть будет так. Собирай араку, через месяц вернемся. Со мной придет лев, я его, как вожака зверей, тоже позову. Что за напиток такой араку?

Ну вот, они уползли. Он стал запасаться аракой. Жена несколько раз сварила араку. Он сам в поисках араку у соседей столько гор перевалил, столько людей, земель объехал, целый месяц делал запасы, а затем приготовил деревянные корыта. В начале месяца настал день прихода змей, как они и предупреждали: «Соберемся в красное старение луны» — последние дни полнолуния. Так, в красное старение луны, он налил во все корыта араку. Все змеи вместе со львом прибыли.

— Уходите, в аиле не оставайтесь, — велели они хозяевам. Жена с детьми сбежали оттуда. Змеи приползли, почуяли запах араки, стали пить.

А Кайчи-Мерген забрался на лиственницу, которая росла рядом, и видел, как змеи опьянели, передрались, друг друга поубивали. Лев тоже выпил, многих перетоптал, разорвал. Был такой страшный шум, просто беда.

Некоторые змеи погибли в последующие два-три дня, там были живые и раненые, их крики и стоны продолжались три дня. После всего этого они протрезвели, некоторые стали даже опохмеляться. Потом старшая змея крикнула:

— Ну, где ты? Иди!

Кайчи-Мерген пришел. Змея так сказала:

— То, что ты тогда забылся, оказывается, правда. У меня вот погибло много народа, страшно дрались, были потери. Даже наш лев, старший из зверей, народ уничтожил. Если лев пьянеет, то это, оказывается, страшный напиток, араку стал причиной многих бед. Ладно, я прощу тебя. Но теперь ты никогда не будешь понимать язык животных.

С тех пор говорят человек перестал понимать язык животных.

БАШПАРАК И СЕМИГОЛОВЕ ЧУДОВИЩЕ ДЬЕЛБЕГЕН.

Когда-то на Алтае обитал Дьелбеген, семиголовое чудовище. У него одна голова смеялась, вторая голова плакала, третья голова пела, четвертая голова спала, пятая голова сторожила, шестая голова наблюдала, седьмая голова убивала. Все они были прожорливые.

Однажды, когда человек по имени Башпарак на своей белой лошади распахивал пашню, к нему пришел мошенник Дьелбеген с покачивающимися семью головами и крикнул:

— Э-эй, Башпарак, ты, почему не отдыхаешь, папешь? Иди поскорее, да поищи вшей в моих головах.

Башпарак воткнул соху в землю, подошел и семь голов Дьелбегена одну за другой стал очищать от вшей. Дьелбеген сидел, то, засыпая, то, просыпаясь, потом вдруг схватил Башпарака, засунул его в свой большой мешок, крепко-накрепко завязал его, взвалил на спину и пошел в свой аил. Оттого, что палило солнце, мошенник сильно устал, еле-еле шел.

— Что же вы не отдохнете, уважаемый? — спросил Башпарак Дьелбегена.

Дьелбеген же, поверив этим словам, положил рядом с собой мешок с Башпараком, стал отдыхать. В это время Башпарак, быстро выбрался из мешка, наложил в этот мешок гнилушек и камней, такого же веса, какого был он сам. Затем Башпарак оставил Дьелбегена на дороге, сам вернулся на свою пашню и стал распахивать пашню.

Мало ли, много ли времени прошло. Дьелбеген, покачивая семью головами, дошел до своего аила. Как только он поставил свой мешок возле огня, дети наперебой стали спрашивать:

— Что вы принесли нам?

— Башпарака. Он жирный, — ответил он.

— Э-э, вы обманываете нас, вы, оказывается, вернулись с полной сумой гнилушек и камней, — завизжали его дети.

Семь голов Дьелбегена вздрогнули, его грозный голос зазвенел, он зашипел, быстро открыл мешок своими изогнутыми когтями, вывалил все, что в нем было. И вправду вместо Башпарака там оказались гнилушки, большие и маленькие камни. От негодования у Дьелбегена заскрежетали зубы, головы все закачались и он горько-горько закричал:

— Я доберусь до тебя, Башпарак! погоди, тебя поймаю, твое мясо в казане сварю, твои кости переварю и обглодаю так, что и собакам нечего будет есть, вот увидишь, так и будет.

Когда назавтра мошеник Дьелбеген снова пришел на чистое поле, чтобы найти Башпарака, тот распахивал пашню. У Дьелбегена в животе заурчало, брызжа слюнями, он подошел к краю пашни. Башпарак, кажется, его не заметил, продолжая свою работу. И даже не посмотрел на него.

— Э-эй, Башпарак, хорошо ли ты пашешь, — спросил Дьелбеген и помахал ему правой рукой.

Башпарак, оглянувшись назад, чтобы Дьелбеген мог услышать, громко ответил:

— Вдвое лучше, чем вчера, уважаемый.

Дьелбеген успокоил свои головы, изо - всех сил громко крикнул:

— Э-эй, Башпарак! Иди, почеси мне спину! Дьелбеген сел на край пашни, подставил спину к солнцу. Паршивую его спину невозможно было чесать, было так противно. Но Башпарак же снова воткнул соху в пашню, своей легкой походкой быстро подошел к Дьелбегену. Он взял колючую щепу и стал тереть паршивую спину Дьелбегена, шоркая вверх и вниз.

— Еще сильнее три, — сказал он.

Когда Башпарак стал тереть еще сильнее:

— Теперь хватит, — скуля, проговорил Дьелбеген, у которого по спине потекла кровь.

Как только Башпарак хотел повернуться и уйти, семиголовый Дьелбеген вдруг схватил его, быстро засунул в свой черный-пречерный мешок и завязал его. Хоть он и пытался вылезти, но никак не смог. Ему показалось, что силы покинули его.

Лохматый Дьелбеген, торопливо семена, пошел к своему аилу.

— Э-эй, — подал голос Башпарак, — вы засунули меня в закрытую суму, но если я умру, то мое мясо испортится, так ведь? Я буду невкусным.

Головы Дьелбегена от удивления, ударяясь друг о друга, склонились к нему и сказали:

— И вправду вы бы отдохнули.

Дьелбеген подумал: « И вправду, если семь голов говорят в один голос, то почему бы не послушаться их».

Мошенник поставил мешок и, вытянув обе ноги, стал отдыхать. Дьелбеген задремал.

Башпарак услышал его храп, быстро выбрался из мешка и наполнил его камнями, гнилушками. А сам пришел на поле, где работал, вытащил свою соху, воткнув ее в землю, опять начал распахивать поле. Прошло не так много времени. Дьелбеген проснулся, тут же взвалил на спину мешок, заковылял к своему айлу. «О-о, мои дети сейчас очень обрадуются», — подумал он.

Как вошел Дьелбеген в дверь, дети закричали:

— Вы не поймали Башпарака, оказывается. Те же гнилушки, камни принесли на спине, — сказали они.

— Вы, голодное семя, только и смеетесь надо мной. Башпарак будет самой лучшей едой. Смотрите! — он вытряхнул мешок, там оказались гнилушки и камни.

— Э-э, Башпарак, когда я поймаю тебя, вот увидишь, я сверну тебе голову и положу в мешок.

Когда Башпарак пахал, Дьелбеген опять пришел. Пахарь увидел его, но продолжал распахивать пашню. Дьелбеген сказал:

— Эй, Башпарак! Что это ты делаешь? Что за человек ты, все пашню пашешь! Подошел бы, да почесал мне спину.

Башпарак приподнял острое сохи, подошел к Дьелбегену. Дьелбеген сидел, подставив спину солнцу. Башпарак подошел и стал острием сохи вверх и вниз тереть его паршивую спину. Довольный Дьелбеген своими мохнатыми руками крепко схватил Башпарака и опять засунул его в свой большой мешок. Крепко-накрепко завязал его и заковылял к своему айлу. В пути он несколько не отдыхал. Как ни просил его Башпарак, Дьелбеген даже краем уха не повел на его просьбы. В конце концов, мошенник, весь мокрый, кряхтя, дошел до своего айла. Его дети громко закричали:

— Теперь и вправду в мешке сам Башпарак. Дьелбеген спросил:

— Башпарак, на каком костре ты изжаришься: на толстых бревнах с гор или на тонких-претонких прутьях из леса? Говори, я собираюсь ийти за дровами.

Башпарак, лежавший в мешке, сказал:

— Раз уж я - Башпарак, я изжарюсь только на костре из горного или лесного можжевельника.

Дьелбеген взял свой луноподобный топор, взял длинную крепкую веревку и вышел из айла, переваливаясь с боку на бок, заковылял к черным густым зарослям леса. Семь его голов на семь разных голосов заговорили. Одна говорит, что «голову буду грызть», одна голова говорит — «правую руку буду глотать», одна голова — «левую руку буду глотать», одна голова — «правую ногу буду глотать», одна голова — «левую ногу буду грызть», одна — «кровь буду пить», одна — «кишки буду есть». Так в предвкушении, что съест Башпарака, Дьелбеген стал взбираться на гору.

В это время Башпарак, привязанный к дымоходу, коптился в дыму. Он решил схитрить, попросил детей чудовища так:

— Если вы разрежете надвое дно мешка луноподобной саблей вашей матери, я сделаю вам лук.

Семеро детей Дьелбегена разрезали дно мешка саблей, выпустили его. Освободившись, Башпарак сказал им:

— Вы, дети, спите. Я немного поем. Когда покушаю, сделаю вам лук.

Дети Дьелбегена уснули. Башпарак поставил на таган большой черный-пречерный казан Дьелбегена, разжег большой огонь, отсек головы прожорливых детей Дьелбегена, их печень стал жарить на огне, мясо измельчил и бросил в казан вариться. Переворачивая печень, помешивая мясо в казане, стал рыть нору с выходом

наружу. Вырыл так, чтобы в ней он сам мог свободно проползти, а Дьелбеген, чтобы не смог поместиться в ней.

Вернулся вспотевший Дьелбеген, нагруженный дровами. Войдя в свой аил, он очень обрадовался, потому что почуял запах мяса и подумал, что дети сварили Башпарака. Посмотрел, печень Башпарака поджарили, сами уже лежат в постели, спят. Проголодавшийся Дьелбеген, придя домой, отрезал своим большим ножом печень, съел, но в конце почему-то его круглое сердце дрогнуло, крепкие кости его заныли. Вкус печени был какой-то странный.

Он сказал :

— Май, май. Кажется, это печень моих детей, что же это такое... Дети, вставайте, попробуйте печень Башпарака.

Дети неподвижно лежали, спали. Дьелбеген еще немного поел, удивляясь вкусу печени. «Очень похожа на печень моих детей», — сказал он. Дети не просыпались. Тут Дьелбеген вскочил, направился к постели. Когда он подошел к постели и стянул дъуркан, головы его детей покатались в разные стороны. Дьелбеген разгневался. Схватившись за голову, во весь голос закричал:

— Э-эй, Башпарак! Ты где?

— Я в аиле, здесь! — крикнул Башпарак из аила. Дьелбеген вошел в аил, мотая своими головами. Его там не оказалось. Тогда Дьелбеген крикнул :

— Башпарак, ты где? Что делаешь?

— Я здесь, собираю щепки, — снаружи сказал он. Когда Дьелбеген вышел, на улице Башпарака не оказалось.

— Э-эй, Башпарак! Ты где? Что делаешь? — негодуя, он закричал.

— Я здесь, огонь разжигаю, — крикнул Башпарак из аила. Дьелбеген взмокнул, кряхтя, неуклюже переваливаясь, дернул дверь аила, внутри никого не было.

— Башпарак, что ты делаешь?

— Я щепки собираю. Как вы не можете меня увидеть? — Башпарак снова громко крикнул снаружи.

Вышел посмотреть — Башпарака и там нет. Дьелбеген стоял, понунив свои семь голов.

— Э-эй, Башпарак! Ты где? Скажи мне! — так семиглавый людоед еле-еле крикнул.

— Я здесь, разжигаю огонь, — так громко из аила крикнул Башпарак, — размешиваю казан.

Когда Дьелбеген открыл дверь аила, то увидел, как Башпарак, мелькнув своими голыми пятками, спрятался в нору. Дьелбеген кинулся за ним. Он попытался за ним залезть в нору, но, не дойдя до середины норы, застрял, но все равно, пытаясь пролезть дальше, все больше застревал в тесной норе.

Башпарак, выйдя наружу с другой стороны норы, зашел в аил, схватил кипящий на огне казан с мясом, опрокинул на Дьелбегена. А что Дьелбеген? Он ошпарился горячим бульоном, его тело покрылось пузырями, обварилось. Башпарак вышел из аила и ушел домой. Он снова стал спокойно работать, сеять хлеб и дальше жить.

Дьелбеген еле-еле выбрался из норы, все его тело болело, мясо кусками отрывалось, и он кое-как добрался до Башпарака.

— Башпарак, все тело мое ошпарено, обварилось горячим бульоном. Как же мне теперь излечиться?

Башпарак остановил свою бело-пегую лошадь и громким голосом Дьелбегену сказал:

— Уважаемый, как же вы так тяжело заболели? Пойдите вон к той скале и сильно-сильно потритесь об нее, тогда излечитесь.

Дьелбеген поверил его словам, дошел до большой ребристой скалы, потерся, но боль еще больше усилилась.

Дьелбеген опять пришел к Башпараку. Башпарак подумал, что если умрет Дьелбеген, то пусть от него и запаха не останется, и сказал:

— Если вам не помогла каменная скала, то холодная река наверняка излечит. Вы садитесь на лодку и плывите до середины озера. Привяжите на шею камень и прыгайте в воду.

Дьелбеген так и сделал. Но у мошеника уже не было сил спастись. Камень на шее, конечно же, потянул его на дно реки. Так, Дьелбеген со своими семью головами ничего не смог сделать, погиб от своих глупых поступков и дурости. Победу одержал Башпарак.

ПОЖИРАТЕЛЬ ДЕТЕЙ АЛБЫН И МОЛОДАЯ КЕЛИН.

а Алтае, покрытом зеленым ковром, никогда не знали зимы.

Однажды муж одной молодой женщины-келин уехал зверовать и птицевать по родному Алтаю. Она же, оставив дома без присмотра единственного сына, закрыв дверь, ушла в лес за хворостом.

На солнечном склоне горы она набрела на поляну с земляничкой. Тогда молодая келин решила набрать ягод своему сыну, так и, забывшись, прособирала ее. Перед закатом солнца она вспомнила о ребенке, оставленном дома.

А в это время чудовище Албын в поисках добычи бродил по горам и лесам, но ничего не нашел. Албын, бродя вдоль берега реки, увидел чистый луг. Вышел он на луг и увидел возле молодых лиственниц, под крутой скалой, один ветхий аил. Из дымохода аила тянулся слабый дымок и кругами поднималось в небо. Албын этому очень обрадовался. «Нашлась для меня еда», — подумал он и торопливо, тряся мохнатыми волосами, подошел к деревянному аилу. Он увидел, что аил закрыт. Заглядывая в щели двери, высмотрел в аиле ребенка. Ребенок сидел у огня, скрестив ноги, и играл в бабки. Албын, недолго думая, открыл дверь и прошмыгнул в юрту. Он схватил мешок, стоявший в переднем углу аила, забрал сушеный сыр- курут, вытащил мясо из казана — все это хорошо уложил в мешок, в охапку схватив маленького мальчика, тоже сунул в мешок, крепко-накрепко завязал. Перекинул мешок через плечо и тут же скрылся неизвестно куда. Не было следов, куда ушел, только остались следы там, где стоял.

Когда молодая мать скинула с себя у порога хворост,

который принесла, и вошла в аил, — там ни ребенка, ни мешка, ни курута, ни мяса не было. Туда кинулась, сюда кинулась — ничьих следов нет, и ребенка не видно. Она пригляделась к изножью огня и увидела след от широкой ступни. Сняв мерку с этого следа, она обошла все лесные чащи, обогнула все камни и деревья, днями и ночами искала. Шесть раз обошла Алтай, но ребенка своего нигде не нашла. Семь раз обошла землю, но от мальчика и запаха нет. Осмотрела все колдобины и овраги, обошла все лога и долины, но детского шума не услышала. От горя, теряя разум, она стала переживать: «Что же я буду делать, потеряв своего единственного сына?!» — и зашлась плачем. Она молилась горам и рекам, кланялась зверям и птицам, спрашивая о ребенке, но ни одно живое существо ничего не знало. Так, она бродила, блуждая, затем, когда выбилась из сил, набрела на один аил.

Она вошла в этот аил, там сидел старик, у которого день смерти приблизился, дни жизни укоротились, и не было у него детей, которые бегали бы спереди и сзади, не было скота, который пасся бы, не было жены, с которой он жил бы; а голова его, словно пеплом была усыпана, — весь седой, ослабили его челюсть и щеки, пожелтели клыки зубов, ослабели его мелкие кости. На тагане кипел казан, у огня стоял чайник.

— Здравствуй, старик! — поздоровалась с ним молодая женщина.

— Да, здравствуй. Откуда, ты, балам — дитя мое, пришла? Глаза твои лучистые, речь твоя складная, челюсть и щеки твои крепкие. Куда путь держишь, чем опечалена ты, балам? — спросил он.

— Э-э, старик, не говоривший пусть говорит, не печалившийся пусть печалится. Моя жизнь — разве жизнь? Чем так мучиться, лучше умереть. С тех пор, как хозяин моего дома ушел на охоту, прошло уже много времени. Я же

своего единственного сына оставила в стойбище — дьурте одного и пошла в лес за дровами. Пока я была в лесу, какой-то человек забрал моего ребенка. Я измерила возле огня вот такой след, похожий на человеческий, — говоря так, она показала старику мерку от следа.

— Его унесла Албын, это он утащил его, оказывается, балам, — сказал старик, проворно встал, из кипящего казана налил еды из насекомых.

Проголодавшаяся женщина, не брезгуя, начала есть из налитой чашки. То, про что она подумала, что это насекомые, оказалось мясом с жирным бульоном.

— Ну, балам, не горюй. Садись тут рядом со мной и расчеши мне голову, — сказал он.

Молодая женщина не стала противиться, расчесала слипшиеся волосы старика, постирала ему одежду. Старик от радости стал ее благодарить:

— Пусть моя благодарность поможет тебе. Пусть спереди и сзади тебя будут пути открыты, пусть плечистый не тронет тебя, языкастый не обидит тебя. Теперь послушай меня внимательно. Когда ты отсюда пойдешь, перевалишь большую гору, за этой горой будет лежать озеро без конца и края. На берегу этого озера будет лежать большой широкий камень. Сядешь на этот камень и сама найдешь выход. Если как-нибудь сумеешь найти своего ребенка, пережди, пока настанет ночь. Албын на исходе луны ребенка не станет есть. Когда наступит ночь, он будет в глубокой спячке. Перед новолунием он должен сварить и съесть ребенка. Вечером, когда он приляжет у огня, уснет, подойди к двери аила и ребенку, сидящему возле огня, покажи ему свои материнские груди. Тогда ребенок сам к тебе приползет. Взяв в руки ребенка, подожги сухой аил. Если Албын там сгорит, то не сможет погнаться за тобой. Перед тем, как показывать груди, из материнского молока сделай один кусочек курута. Когда Албын уснет,

ты этот курут подбрось ребенку. Если ребенок съест его, то материнская кровь его позовет. Тогда и покажи груди, — сказал он. — Ну дальше уловку придумай сама. Пусть твоя дорога будет удачной, — сказав так, старик прикорнул у огня и заснул.

Молодая мать свою благодарность старику высказала так:

— Если не умру, то травы нарву, если не уйду в другой мир, то полыни надергаю, — с такими словами она направилась к черной горе, пошла дальше искать своего ребенка.

Она прошла густую черную чащу и увидела высокую гору, вершины которой достигли неба. «Как мне перейти эту гору?» — причитая так, женщина стала плакать, в это время прилетел дятел и стал долбить соседнее дерево. Женщина попросила дятла так:

— Не перевезешь ли ты меня через эту гору, касающуюся неба? Не укажешь ли дорогу к единственному моему ребенку?

Дятел предстал перед женщиной и заговорил человеческим голосом.

— Я прилетел по просьбе старика. За то, что ты сделала добро отцу, я выполню его просьбу. Ну, садись на меня, — сказал он.

Молодая женщина села на дятла и достигла дна неба. Дятел в один миг перелетел через тайгу, вытянувшуюся как плеть. Молодая келин с небесной высоты увидела посреди серой степи большое озеро.

— Ну, милый дятел, спусти меня на той стороне озера, — попросила она.

Дятел с шумом подлетел и посадил молодую мать на широкий камень у края синеющего озера, сам встряхнулся и обернулся парнем – красавцем, туда посмотрит — на месяц похож, сюда посмотрит — на солнце похож. Он

сказал так:

— Я буду ждать на вершине черной горы. Если найдется твой ребенок, то прилечу к этому камню. Ну, а теперь уловку, как найти сына, ищи сама.

Парень встряхнулся, опять превратился в дятла и мигом улетел.

Сев на плоский камень, молодая женщина заплакала. Когда она пролиwała слезы, под ногами что-то похожее на след человека увидела. Присмотревшись, увидела, что это похоже на след, с которого она сняла мерку. «А-а, значит, эта Албын приходит к озеру и берет воду», — подумала. Она пошла по этим следам. В конце озера, на краю степи, стояли молодые лиственницы. След привел ее к одной лиственнице. Хорошо присмотревшись, женщина увидела дым, тянущийся из жилища, построенного из желтых прутьев. «Ну, значит, это аил Албын», — подумала она и стала ждать, когда наступит ночь. Ночь настала, из жилища, сделанного из желтых прутьев, снопами вылетали в небо искры. Подойдя к огню, она увидела, что Албын спит у изножья огня. Она поискала глазами ребенка, увидела, что он на другой стороне огня сидит, играет. При свете огня было хорошо видно, что у ребенка нет ногтей, голова вся в болячках, сам голый, все тело в коросте.

У матери, увидевшей это, внутри все вскипело. Кусочек курута, сделанный из материнского молока, она из-под порога подбросила играющему ребенку. Ребенок увидел его, потихоньку приполз к нему и откусил, съел курут. В это время мать показала ребенку груди и поманила его к себе. Маленький мальчик увидел материнские груди, ползком приблизился к порогу. Албын, ничего не чуя, храпя, спал у кипящего казана.

Мать мальчика скорее засунула ребенка за пазуху, опрокинула пинком шумно кипящий казан, горячая

вода выплеснулась на Албын. Крик Албына разнесся по всему Алтаю. Молодая келин схватила горящую у двери головешку, сунула огонь в желтые прутья — и аил загорелся. Крик ревущего Албына был слышен богу Юч-Курбустану, живущему в Верхнем мире, донесся до серого Эрлика, живущего в Нижнем мире.

Женщина забрала ребенка, не задевая деревьев-каменей, через желтую степь, где и сорока, не летает — сорокой перелетела, через серую степь, где и ворон не летает — вороном перемахнула. Когда она прибежала к кипящему зеленому озеру, то дятел уже сидел на камне и ждал ее.

Она скорей ухватилась за черную шею дятла. Дятел поднял женщину с ребенком до дна неба, добрался до ясной выси. Они перелетели черную гору, покрытую черным туманом. Пролетев над непроходимыми черными деревьями, дятел опустился у стойбища молодой женщины.

Дятел - парень опустился на землю, туда-сюда встряхнулся, сбросил с себя облик дятла, обернулся парнем, в десять раз лучше прежнего, в два раза лучше раннего. Парень поздоровался с человеком, плачущим в айле, подал ему руку для приветствия. Это был муж молодой женщины. Они, поговорили о том о сем, поцеловались в щеки. Отец обнял ребенка и еще раз всплакнул, обняв молодую жену, непрестанно ее целовал. Затем он дятла - парня поблагодарил:

— Пусть до тебя, зажегшему огонь в моей душе, воскресившему из мертвых, дойдет моя благодарность. Если не умру, буду рабом твоим, буду ходить у твоего порога, — так клялся отец мальчика.

— Нет, от вас мне ничего не нужно. Я исполнял наказ отца, — сказал в ответ дятел.

— Почему вы живете в облике дятла? Где ваши родители? — спросил хозяин дома.

— Отец мой у Черной горы, перед непроходимым черным лесом, на берегу быстрой реки живет, состарился,

крепкие кости его ослабли. Мать моя у подножия Бай-горы, в пещере вместе со мной живет. Всю землю поработил Албын, нигде от нее не стало спокойного житья. В детстве меня так же, как этого мальчика, Албын стал преследовать, тогда моя мать спрятала меня в пещере, одела в волшебную шубу, превратила в дятла, — ответил парень-дятел.

Ползающий ребенок вдруг сказал: «Ада - отец», — повернулся и сказал: «Эне - мама», — поздоровался с гостем, заговорил мужским голосом.

Когда посмотрели на этих двух парней, они оба казались одинаковыми, когда они разговаривали, их речи звучали складно и красиво.

Два парня, поладив друг с другом, соединили своих матерей, дятел-парень скорее привез и своего старого отца. Забивая колья, аил построили, взяв в руки ружья, охотились. Стали соседями и мирно зажили. Языкастым не дают слова сказать, сильным не дают побить себя. У тех, которые приходят с черными помыслами, проливают черную кровь.

ГОНИТЕЛЬНИЦА РОДА - ШЕСТИГЛАЗАЯ КАРАГЫС

Давным-давно это было. Жил старик Ак-Каан, он имел свой народ, скот, жену. У него ни детей, никого не было. Долго-долго жили они, пока однажды старуха не потребовала: «У основания семи небес есть сильный шаман Дьелвис с семьёй бубнами. Съезди к нему, пусть по шаманит, пусть дадут нам кут-душу ребенка?» — так сказала. Она приготовила один кожаный сосуд-тажур крепкого аракы. Старик, поймал своего рыже-серого коня, широкий потник, подобный золоту, положил, вьючное седло перекинул, шестьдесят подхвостников надел, шестьдесят подпруг натянул. Один тажур аракы приторочил, пересчитав шесть стремян, сел на лошадь и отправился к шаману. Ехал-ехал, хотя и далеко было до дальней земли, но все же доехал. К коновязи, он привязал своего рыже-серого коня, с аракы в руке вошел в жилище. Один араки поставил на почетное место в центре айла - тёр, сам стал кланяться.

— Что почуял, что увидел, хан-бий? — спросил шаман.

— Пушенная стрела от камня не возвращается, посланный гонец от бия не возвращается. Моя старуха попросила, чтобы вы пошаманили и узнали: есть ли кут ребенка, потому приехал, — ответил хан.

— Разве я шаман, столько не шаманил, — сказал шаман и, взяв колотушку, принялся шаманить.

Когда он закончил шаманить, сказал:

— У тебя во дворе есть рыжий жеребец, вожак табуна. Сделай его жертвоприношением, он и есть кут ребенка.

Старик Ак-Каан, выслушал его, приехал домой. Когда вернулся, старуха вышла навстречу и спросила:

— Что сказал шаман?

Ак-Каан ответил:

— Шаман сказал, что у меня во дворе есть рыжий жеребец, вожак табуна; если его сделать жертвоприношением, то, оказывается, будет кут ребенка.

Жена стала требовать у старика, чтобы он привез шамана и сделал жертвоприношение. Ак-Каан без гнева и упрека снова поехал к шаману Дьелвису, который жил у основания семи небес.

Долго-долго ехал, хотя и далеко было до той земли, но все же доехал. Привязал коня к коновязи, вошел в жилище, стал кланяться.

— Теперь что случилось? — спросил шаман.

— Пришел позвать, чтобы сделать жертвоприношение, — ответил старик.

— Что я столько не шаманил, — сказал шаман и подал старику семь бубнов.

Старик навьючил бубны, поехал вместе с шаманом домой. Поехал, вернулся в свое стойбище - дьурт. Поймали рыжего жеребца, сделали жертвоприношение. Переночевали, на другой день он поехал отвезти шамана домой.

Долго-долго ехал, хотя и далеко было до дальней земли, но съездил; когда вернулся домой, старуха, оказывается, была на шестом месяце беременности. После того, как еще немного пожили, старуха родила друг за другом семерых мальчиков.

Жили - пожили, старуха опять стала требовать у старика:

— От того, что обшиваю, снаряжаю этих парней, зрение мое стало портиться, кто их будет дальше обшивать, снаряжать? За шестью небесами есть шаман Алаш с шестью бубнами. Съезди туда, попроси по шаманить: есть ли кут девочки?

Она приготовила один тажур аракы. Старик поймал рыже-серого коня своего, положил широкий золото подобный потник, перекинул вьючное седло, надел золотой подхвостник, подтянул золотые подпруги. Один тажур аракы приторочил, пересчитал шесть стремян, сел на коня и поехал. Хотя и далеко было до дальней земли, коль поехал, доехал до шамана Алаша с шестью бубнами. Привязав коня к коновязи, стал кланяться.

— Что ты кланяешься, хан-бий? — спросил шаман.

— Пущенная стрела от камня не возвращается, посланный гонец от бия не возвращается. Моя супруга попросила, чтобы вы пошаманили, есть ли кут девочки, поэтому приехал, — ответил старик Ак-Каан.

Взяв свою колотушку, шаман стал шаманить. После того, как пошаманил, сказал:

— Во дворе у тебя есть рыжая кобыла, вожак табуна. Сделай ее жертвоприношением, она и будет кут девочки.

Выслушав его, старик вернулся. Когда вернулся, жена вышла ему навстречу:

— Что сказал шаман? — спросила она.

Старик рассказал все, что ему сказал шаман. Старуха опять стала надоедать мужу, чтобы он сделал жертвоприношение рыжей кобылой. Старик Ак-Каан сел на своего рыже-серого коня и поехал к шаману Алашу.

Доехал, привязал коня к коновязи, зашел в его золотой дворец — оргё, стал кланяться.

— Теперь что случилось, хан-бий? — спросил шаман.

— Пущенная стрела от камня не возвращается, посланный гонец от бия не возвращается. Приехал позвать, чтобы вы сделали жертвоприношение рыжей кобылой, — ответил он.

— Разве столько я не шаманил, зачем так кланяешься? Так и быть, поеду и сделаю жертвоприношение, — так сказав, он подал старику шесть бубнов, тот их навьючил

и они поехали.

Вернувшись, хан подумал так: «Чем делать жертвоприношение вожакom табуна, рыжей кобылой, лучше сделаю рыжей собакой, которая сидит возле моего порога». Рыжую собаку он отдал шаману, чтобы тот сделал жертвоприношение. Переночевали и хозяин поехал отвозить шамана домой. Хотя и далеко было до дальней земли, но съездил, отвез шамана и вернулся. Когда он приехал домой, его старуха, оказывается, была на шестом месяце беременности. Прожили еще немного времени, и жена родила девочку, она родилась с шестью глазами.

У старшего сына хана было имя Мака-Маатыр. Однажды тот лежал и не мог заснуть. Он увидел, как в колыбели девочка туда качнулась, сюда качнулась, затем встала и пошла. Она поймала одного теленка, бросила в печь. Немного поджарила, вытащила и стала есть: большие кости изо рта выходили, мелкие кости из ноздрей выходили. Она кости сожгла, пепел сдула. В колыбели туда качнулась, сюда качнулась, затем легла и заснула.

Во второй день Мака-Маатыр опять лежал, не спалось. Колыбель туда качнулась, обратно качнулась, девочка встала из колыбели и пошла. Одного жеребенка поймала и принесла. Она швырнула его в печь. Немного поджарив, стала есть: мелкие кости из ноздрей выходили, крупные кости изо рта выходили. Кости сожгла. Колыбель туда качнулась, сюда качнулась, она легла и заснула. Так прошли сутки.

На третий день люди опять крепко заснули. Мака-Маатыру не спалось. Когда наступила полночь, колыбель туда качнулась, сюда качнулась, девочка из колыбели встала и пошла. Принесла одного бычка и сунула в печь. Немного поджарив, стала есть: большие кости изо рта выходили, мелкие кости из ноздрей выходили. Кости сожгла, пепел сдула. В колыбели туда качнулась, сюда

качнулась, легла и уснула.

На утро Мака-Маатыр сказал матери:

— Приготовь припасы. Я на два-три дня на охоту хочу съездить.

Попросил мать приготовить припасы, а сам он стал собираться на охоту. Младшая сестра стала упрашивать его, чтобы он взял ее с собой.

— Я долго не буду. Через два-три дня вернусь. Позже, когда поеду надолго, поедешь вместе со мной, — сказал Мака-Маатыр. Уехал на охоту.

Напуганный проделками странной сестренки парень поехал, будто на охоту, но на самом деле он поехал туда, куда ноги идут, куда голова поведет, сбежал, бросил свой дом. Сколько проехал неизвестно, далеко уехал. Ехал-ехал, встретился ему Улуг-Пий.

— Куда ты едешь, человек? — спросил он.

— У кого нет семьи, семью хочу создать, у кого нет брата, братом хочу быть, — ответил он.

Улуг-Пий:

— Живи у меня, — сказал.

Мака-Маатыр у того бия стал работать слугой. У Улуг-Пия было три дочери. Две дочери были замужем, а третья дочь ходила и говорила; «За хорошего человека замуж пойду, хорошую одежду буду носить». Мака-Маатыр на этой младшей дочери и женился.

Много ли, мало ли пожили, два свояка стали наговаривать тестю:

— Дочь твоя, которая собиралась выйти за хорошего человека, хотела носить хорошую одежду, вышла за слугу. Твой хороший зять хвалился, что принесет самые большие перья волшебной птицы Пуруш.

Улуг-Пий Мака-Маатыра позвал:

— Говорил ли ты, что принесешь перья птицы Пуруш?

—спросил он, — иди принеси мне их, — сказал.

— Я не слышал ни о какой птице Пуруш и не говорил так, — ответил Мака-Маатыр.

Два свояка стали настаивать:

— Ты говорил.

— Пойдешь — иди, не пойдешь — отрублю голову и положу вместо ног, отрежу ноги, положу вместо головы, — так пригрозил тесть.

Мака-Маатыр с плачем и рыданиями пришел к жене, рассказал ей все.

— Почему ты плачешь? — успокоила его жена. — Когда пойдешь отсюда, будет очень далекое место. Дальше пойдешь, будет болотистое место. Посреди болота будут стоять семь лиственниц, на вершине одной из лиственниц будет круглое гнездо птицы Пуруш. Жена приготовила запасы, Мака-Маатыр уехал. Ехал-ехал, повстречалось ему болото. Посредине болота стояли семь лиственниц. На одной из семи лиственниц было круглое гнездо птицы Пуруш, под семью лиственницами лежало озеро. Из этого озера к семи лиственницам выползла семиголовая змея, семь раз обвилась вокруг дерева.

Мака-Маатыр уперся ногами в ямку, сел на кочку. Перед рассветом поднялся туман, на небе сверкнула молния. Он выстрелил во все семь голов змеи. Кровь, вытекшая из нее, образовала болото. Мака-Маатыр же полез на вершину лиственницы. Когда он туда залез, там оказались птенцы птицы Пуруш.

— Э-э, дети, это был ваш пожиратель или был это ваш охранник - божество? Я его застрелил, — сказал он.

— Разве это он мог быть нашим покровителем, это был пожиратель, который хотел съесть нас, — сказали они. — Мать и отец только что улетели на охоту с плачем и рыданиями, так как их птенцы только подрастали, они

их теряли, — рассказали птенцы.

Пока Мака-Маатыр слушал их, подул сильный-сильный ветер и пошел мелкий-мелкий снег.

— Слезы из глаз отца бегут, — сказали птенцы. — Когда вернется отец, он тебя съест, — сказали они и спрятали Мака-Маатыра в гнезде.

Отец прилетел:

— Пух-пух, туда, куда не ступала нога человека, какой человек ступил, там, где не было духа чужого, какой чужой дух появился, — с такими словами он сел на край гнезда.

Он в когтях одной ноги принес одного марала, в когтях другой ноги — еще одного марала.

— Все равно пахнет чужим духом, — сказал своим детям.

— Э-э, отец, пришел человек, который нас спас, сделал нам добро. Он пристрелил семиглавую змею, посмотри, — сказали дети.

Когда отец посмотрел вниз, тело семиглавой змеи лежало, превратившись в гору, а кровь ее превратилась в озеро.

— Куда ушел человек, сделавший добро? — спросил он.

— Чтобы ты его не съел, мы спрятали его под гнездо, — ответили дети. — Пусть он там сидит, не то прилетит обозленная наша мать и съест человека, — сказали они.

Подул сильный-сильный ветер, высокие деревья с корнями свалились, у низеньких деревьев верхушки были сломаны, затем пошел очень сильный дождь.

— Слезы из глаз матери льются, — сказали дети.

— Пух-пух, туда, куда не ступала нога человека, какой человек ступил, там, где не было духа чужого, какой чужой дух появился? — так спросила мать.

Отец ответил:

— Спускайся-спускайся, жена, дети живы.

Жена в когтях одной ноги держала маралуху, в когтях другой еще одну маралуху принесла и спустилась. «Все равно пахнет чужим духом», — сказала она.

— Пришел человек, сделавший добро, — рассказал муж. — Чтобы мы его не съели, дети, оказывается, его спрятали под гнездо, — ответил он. — Выведите этого человека, — велел он.

Дети человека вывели.

— Откуда ты пришел, человек, куда идешь, человек? — спросили они.

— Была ли она вашим покровителем или пожирателем, но я пристрелил эту змею, — сказал Мака-Маатыр.

— Хорошо было бы, если бы она была покровителем, это ведь был наш пожиратель. Как только наши дети подрастали до этого возраста, то мы их теряли, — ответили птицы, муж и жена. — По каким делам пришел, человек? — спросили они.

— Пущенная стрела камня не минует, посланный человек от бия не возвращается. Хан мой Улуг-Пий попросил меня принести перья птицы Пуруш, поэтому пришел, — сказал он.

— Ну, жена, ты выдерни два пера своих и отдай. Что делать? Человек добро сделал. Эти дети окрепли, я и с детьми могу охотиться, — так велел отец птиц - Пуруш.

Птица-мать выдернула два больших пера и отдала. Мака-Маатыр, навьючив их на коня, поехал. Хотя и далеко было до далекой земли, но доехал до дьурта каана. Он сбросил перья у двери, сказал:

— Что ты хотел сделать из них, пусть тебе сделают это два твоих хороших зятя, — и ушел.

Два зятя так ничего и не смогли сделать.

— Пусть сделает тебе твой хороший зять, — сказали они и разошлись по домам.

Тесть позвал Мака-Маатыра, тот и сделал ему нужную вещь. Мало ли, много ли они прожили. Два зятя опять стали наговаривать:

— Твой хороший зять хвалился, что он принесет зубы росомахи, живущей в слиянии семи рек, чтобы сделать таган.

Тесть опять позвал Мака-Маатыра.

— Не ты ли говорил, что принесешь зубы росомахи, живущей у слияния семи рек, чтобы сделать таган? — так спросил Улуг-Пий.

— Ни о какой росомахе я не слышал, и не говорил, что принесу ее зубы, — ответил Мака-Маатыр.

— Если пойдешь — иди, не пойдешь — голову отрублю и положу вместо ног, отрежу ноги и положу вместо головы, — сказал Улуг-Пий.

Мака-Маатыр, плача-рыдая, вернулся.

— Зачем он тебя звал? — спросила жена.

— У слияния семи рек есть зуб росомахи, тесть Улуг-Пий сказал, чтобы я принес его и сделал таган, — сказал Мака-Маатыр.

— Зачем из-за этого плачешь? Поедешь днем, у слияния семи рек будут стоять семь лиственниц. Под этими семью лиственницами будет спать росомаха. Один рог у ней в землю будет воткнут, другой рог к небу будет поднят. Если вцепишься в два рога, то наверняка возьмешь зуб, — успокоила его жена.

Жена приготовила припасы. Мака-Маатыр уехал.

Долго-долго ехал, хотя и далеко было до той земли, но все же доехал. Доехал как раз в полдень. Под семью лиственницами спала росомаха. Один рог в землю воткнула, другой рог к небу подняла. Мака-Маатыр вцепился за два рога. Росомаха вскочила. Бежала-бежала, пробежала всю небесную ширь под девятью облаками. Не смогла сбросить. Спустилась на землю. Один рог воткнула

в землю.

— Пожиратель ли ты, который пожирает, покоритель ли ты, который в плен уводит? — спросила росомаха.

— Я и не пожиратель, и не покоритель. Пущенная стрела камня не минует, посланный человек от бия пустым не возвращается. Великий мой хан велел мне принести зуб росомахи, поэтому и прибыл, — сказал он.

— Если так, то почему сразу не сказал? Силы мои, которые продлили бы мою жизнь еще на три года, иссякли. Если твой хан Улуг-Пий просит, то вырву и отдам свои зубы, конечно, — сказала и вытащила два своих зуба и отдала. Мака-Маатыр взвалил на коня два зуба, навьючил их, поехал.

Вернувшись, он отвез зубы росомахи тестю и сказал:

— Пусть твои хорошие два зятя сделают то, что надо, — и пошел домой.

Два зятя стали делать таган и не смогли сделать.

— Пусть сделает твой хороший зять, — сказали они и бросили. Мака-Маатыр сделал таган.

Мало ли, много ли пожил. Два зятя опять начали наговаривать на Мака-Маатыра:

— Он хвалился, что привезет младшую дочь бога - кудая, — говорили они.

Улуг-Бий позвал Мака-Маатыра и спросил:

— Не ты ли хвалился, что привезешь мне младшую дочь кудая?

— Не говорил и не слышал, — ответил Мака-Маатыр. Улуг-Бий сказал зятю:

— Если пойдешь — иди, если не пойдешь — отрублю голову и положу на место ног, отрежу ноги и положу на место головы.

Когда Мака-Маатыр пришел домой, жена спросила:

— Зачем вызывали?

— Сказал, чтобы я привез младшую дочь кудая, —

сказал он. Жена:

Зачем ты плачешь? — спросила.

Жена, собирая по горам все, что есть, сшила хорошую, добротную шубу, собирая все по лугам, что есть, сшила шубу еще лучше. Шуба, сшитая из всего того, что было собрано из реки, светилась, как луна, сверкала, как солнце, оказалась самой лучшей. Сто тажуров араку превратила в один тажур.

— На том месте, где кудай берет воду, сделаешь жилище и будешь там жить. В первый день повесишь шубу, сшитую из всего того, что было собрано с гор, и будешь лежать. В шалаше своем постелишь белый пышный ковер. Придут три сына кудаая и спросят: «Кому и за что ты отдашь это, Мака-Маатыр?» — скажешь: «Отдам ковер, если твоя сестра покажет мне половину своего лица». Во второй день повесишь шубу, сшитую из всего того, что было собрано из лугов, и будешь лежать. Когда три сына кудаая спросят у тебя: «Кому и за что отдашь?» — ты ответишь: «Если сестра ваша покажет пуговицу под мышкой, то отдам». В третий день повесишь шубу, сшитую из всего того, что было собрано из рек, и будешь лежать. Если сыновья кудаая спросят тебя: «Кому и за что отдашь эту шубу?» — то ответишь: «Если ваша сестра выпьет араку из наперстка, то отдам». Так жена научила его. Шубы все свернула, уложила, приготовила припасы. Муж приторочил все к седлу и поехал.

Не доезжая до владения кудаая, он увидел, что там удивительно красивое место. Это было то место, где росли белые березы, где вперемешку лежал белый и серый песок. Доехал до места, где кудай брал воду. Постелил белый пышный ковер, повесил шубу, сшитую из всего того, что было собрано с гор, и лежит.

Утром люди, готовящие еду кудаю, пришли за водой. Они увидели человека, который лежал, повесив

удивительно красивую шубу. Чтобы не забыться, они отрубили свои большие пальцы бросили их и убежали. Рассказали об этом трем сыновьям кудаая. Когда рассказали, сыновья кудаая пришли, спросили:

— Какому человеку и за что ты отдашь эту шубу?

— Если сестра ваша покажет половину своего лица, отдам, — ответил Мака-Маатыр.

Те побежали к сестре. Когда пришли, сестра расчесывала золотым гребнем свои золотые волосы. Братья сказали:

— Мака-Маатыр вывесил удивительно красивую шубу и лежит там. Он сказал, что отдаст ее, если наша сестра покажет половину своего лица.

— Смеетесь над тем, над чем нельзя смеяться, требуете то, чего нельзя требовать, чужой запах не буду нюхать, чужую еду не буду есть, другим запахом не буду дышать, другую еду не буду есть, половину лица не буду показывать, — разгневалась сестра.

— Что с тобою случится, если покажешь половину лица? — обиделся старший брат.

— Чем обижать брата, лучше обижу себя, — подумала девушка и пошла к жилищу Мака-Маатыра с золотым гребешком в руке.

Мака-Маатыр успел увидеть половину лица девушки или нет, она тут же ушла. Братья взяли шубу и ушли.

Во второй день он вывесил шубу, сшитую из всего того, что было собрано из лугов, и лежит. Утром люди кудаая опять спустились за водой. Видят: сегодняшняя шуба, краше вчерашней. Чтобы не забыться, отрезали свои мизинцы, бросили и убежали. Пошли они и рассказали сыновьям кудаая. Пришли сыновья кудаая:

— Кому и за что отдашь эту шубу? — спросили они.

— Отдам, если ваша сестра покажет пуговицу брата, что у нее под мышкой, — сказал Мака-Маатыр.

Те прибежали к сестре:

— Вчерашняя шуба так себе, сегодняшняя шуба еще лучше. Он говорит, что если наша сестра покажет пуговицу, что у нее под мышкой, то отдаст, — сказали они.

— Смеетесь над тем, над чем нельзя смеяться, требуете то, чего нельзя требовать, чужой запах не буду нюхать, чужую еду не буду есть, другим запахом не буду дышать, другую еду не буду есть, — так сказала сестра.

— Раз ты даже не хочешь мне достать эту шубу, разве я нужен людям, — обиделся средний брат.

— Чем ломаться костям моего брата, пусть лучше ломаются мои белые кости, — подумала сестра и пошла к Мака-Маатыру.

Мака-Маатыр успел увидеть пуговицу или нет, как девушка тут же ушла. Три сына куда-то взяли шубу и тут же убежали.

На третий день он повесил шубу, сшитую из всего того, что было собрано из реки, и лежит. Утром люди куда-то опять спустились за водой. Висела шуба, красивее вчерашней. Люди, видевшие ее, чтобы не забыться, отрезали свои уши и бросили их, убежали. Через некоторое время пришли три сына куда-то. Шуба, так шуба: светится, как луна, сверкает, как солнце.

— Эту шубу какому человеку и за что отдашь? — спросили они.

— Если ваша сестра выпьет араку, налитую в наперсток, тогда отдам, — сказал он.

Парни побежали к сестре:

— Сегодняшняя шуба еще лучше, чем вчерашняя: светится, как луна, сверкает, как солнце. Мака-Маатыр сказал, что если наша сестра выпьет араку, налитую в наперсток, то отдаст, — сказали они.

— Смеетесь над тем, над чем нельзя смеяться, требуете

того, чего нельзя требовать, чужой запах не буду нюхать, чужую еду не буду есть, другим запахом не буду дышать, другую еду не буду есть, араку в наперстке не буду пить, — сказала девушка.

— Двум братьям достала шубы, только мне не хочешь достать. Разве я нужен кому-то, — обиделся младший брат.

— Чем обижать младшего брата, лучше обижу себя, — подумала девушка, взяв свой золотой гребешок, спустилась к Мака-Маатыру.

Три брата были вместе с ней. Он подал шубу и обрадованные три брата убежали.

Араку в наперстке он подал ей, девушка выпила, опьянела, упала на белый пышный ковер с золотым гребнем в руке, распустив свои золотые волосы. Мака-Маатыр завернул ее в белый пышный ковер, взвалил на спину и пошел.

Долго-долго шел, дочь куда-то попробовала пошевелиться и поняла, что она, оказывается, жива. Мака-Маатыр взвалил ее на спину и несет, оказывается.

— Мака-Маатыр, что я плохого сделала, зачем меня так несешь? Сейчас я умру, ведь умереть мне недолго, — сказала она.

Мака-Маатыр все молча идет.

— Мака-Маатыр, умираю, — сказала она.

Мака-Маатыр молча идет.

— Мака-Маатыр, умираю, — еще раз сказала она.

Мака-Маатыр, не слушая, идет.

— Мака-Маатыр, смерть моя пришла, — еще раз сказала она.

Тогда Мака-Маатыр подумал: «Человек, выпивший сто тажуров араку, действительно, может умереть от хмельного», — и развязал девушку.

Развязал и увидел, что светлое ее лицо стало похожим

на мертвую печень, румяное лицо ее стало, как красная ржавчина. Как только освободил ее, она сотворила родник с белыми камушками, сделала золотой ковш. Выпила три ковша воды, вздохнула: «Ох!» Покрасневшее ее лицо оживилось. Села она и спросила у Мака-Маатыра:

— Что плохого я сделала? Зачем ты несешь меня, завернув так? — спросила.

Мака-Маатыр сказал:

— Пущенная стрела камня не минует, посланный человек от бия не возвращается. Тесть мой Улуг-Пий просил меня привезти младшую дочь куда-то, поэтому и несу, — сказал он.

— Если просил твой хан Улуг-Пий, то, ладно, пойдем в его землю, — ответила она.

Трое же сыновей куда-то пока мерили, сравнивали шубы, пока спорили, чья лучше, тут опомнились, а сестры нет, оказывается. Братья догнали свою сестру.

— Алтын-Тана, куда идешь? — спросили они.

— Три дня подряд просили, не давая покоя. Разве вы никогда не видели шубы, преследуете меня. Я говорила вам, что чужую еду не буду есть, чужим запахом не буду дышать, другую еду не буду есть, другим запахом не буду дышать, зачем вы три дня подряд меня просили? Хан Улуг-Пий меня позвал. Пока я не дойду до него, обратно домой не вернусь, — сказала она.

Братья, одевавшие эти шубы, как будто бы и не одевали, бравшие эти шубы, как будто бы и не брали, опустив головы, возвратились домой.

Алтын-Тана и Мака-Маатыр дальше пошли пешком. Хотя и было далеко, но дошли до Улуг-Пия.

— Я сама не войду, Улуг-Пий пусть сам выйдет, — сказала Алтын-Тана.

Мака-Маатыр сказал Улуг-Пию:

— Я привел дочь куда-то. Она говорит, что сама не

войдет, что пусть Улуг-Пий сам выйдет.

Улуг-Пий вышел. Румяное лицо его покраснело, как ржавчина, светлое лицо его потемнело, как печень. Алтын-Тана спросила:

— Э-э, Улуг-Пий, что плохого я сделала, зачем меня на эту землю позвал?

Затем она прокляла Улуг-Пия так:

- Белый скот твой, народ твой, что в достатке живет, пусть превратятся в черную землю, сам ты станешь красной лисицей и убежишь.

Скот и народ его черной землей стали, Улуг-Пий сам стал красной лисицей и убежал прочь, ханство его исчезло, исчезла и жена Мака-Маатыра, дочь Улуг-Пия.

Мака-Маатыр с Алтын-Таной поженились и ушли отсюда. Мало ли, много ли шли, на берегу белого моря, у подножия белой горы твердую землю раскапывая, добротный дом поставили, мягкую землю раскапывая, железный дом построили и стали жить.

Долго-долго жили они вместе. Но, как-то Мака-Маатыр поехал на охоту, во время которой он взобрался на склон белой горы, всматриваясь в стойбище отца, сел и стал плакать. Поплакал, выплакавшись, он вернулся домой. Алтын-Тана спросила:

— Почему ты плакал, Мака-Маатыр? На мой шелковый платок упали три слезинки.

— Грудью своей напоролся на ствол дерева, — сказал он. Назавтра он опять уехал на охоту. Алтын-Тана дух - хозяйку веток старуху Шыпылдай отхлестала и отпустила.

— Твое дитя задело грудь моего мужа, — сказала она.

Мака-Маатыр снова взобрался на гору, повернулся в сторону дьурта отца, стал плакать. Когда вернулся домой, Алтын-Тана спросила:

— Сегодня почему ты плакал, Мака-Маатыр? На мой шелковый платок упали три слезинки.

— Высокие дудки задели мои глаза, — сказал он. Переночевав, Мака-Маатыр опять уехал на охоту. Алтын-Тана поймала мать - хозяйку дудок — старуху Конгылдай:

— Твои дети задели глаза моего мужа, за которого я вышла девушкой, — с этими словами она отхлестала и отпустила ее.

Мака-Маатыр поднялся на гору, опять заплакался. Когда вечером он вернулся, Алтын-Тана спросила:

— Сегодня, почему плакал? На мой шелковый платок упали три слезинки, — сказала она.

Поднялся ветер и в глаз попал песок, — сказал он.

Назавтра Мака-Маатыр опять уехал на охоту. Алтын-Тана поймала мать ветра — старуху Сапылдай:

— Поднялся ветер и в глаз моего мужа попал песок, — так она отхлестала ее.

Старуха Сапылдай тут:

— Ты, дочь самого бога - кудая, невинных людей зря бьешь. Он смотрит на дьурт своего отца и плачет, — сказала, и тогда Алтын -Тана перестала бить ее.

Мака-Маатыр приехал домой, Алтын-Тана спросила:

— Зачем заставляешь бить невинных людей? Ты, оказывается, глядя в сторону дьурта отца, плачешь. Ты думаешь, кто остался в дьурте твоего отца? Там только шестиглазая девушка есть, гонительница и истребительница твоего отцовского рода и твоих братьев, — сказала она.

Мало ли, много ли прожили. Мака-Маатыр однажды сказал:

— Хочу сходить в дьурт отца, жена.

— Что есть в дьурте отца твоего? Только шестиглазая девица есть, — сказала Алтын-Тана и не отпустила его.

Много ли, мало ли пожили еще. Мака-Маатыр ходил-ходил и опять сказал:

— Хочу сходить в дьурт отца.

Жена опять его не отпустила. Опять стали жить. Мака-Маатыр в третий раз сказал:

— Хочу сходить в дьурт отца.

Алтын-Тана поймала шестиноного сивого рысака. Мака-Маатыр сел на рысака, помчался в путь. Когда осталось ехать полдня, Мака-Маатыр превратился в зайца и побежал. В конце пути горностаем стал, бежал-бежал, колонком стал, дальше пополз змеей. Полз, полз и ящерицей стал, потом превратился в дождевого червя. Превратившись в червяка, он полз под землей, выполз из-под порога родного аила в обличье червяка. Став комаром, полетел и сел на верхушку дымохода. Сел, осмотрелся вокруг и увидел, что там, где стоял скот, выросла зеленая крапива, там, где жил народ, вырос лопух. Заглянул в жилище, там находилась только шестиглазая девица. Она сидела возле очага, — шах! — прорыгнув, «это кости моих родственников» сказала, — шах! — прорыгнув, «это кости моих родителей» сказала, — шах! — прорыгнув, «это кости моих братьев» сказала. «Куда же ушел мой брат Мака-Маатыр? — спрашивала она себя. — Куда он сбежит, встретится где-нибудь», — успокоила себя. Посмотрела наверх — ее брат Мака-Маатыр сидит на дымоходе. Она схватила нож и полезла за Мака-Маатыром. Мака-Маатыр оттуда спрыгнул, сел на шестиноного своего коня и пустился вскачь. Шестиглазая девица успела отрубить только одну ногу коня.

— Съем ее и дальше побегу, куда он денется, — сказала она. Охотник на пятиногом коне пять гор, пять рек перевалил. Сестра догнала его, еще одну ногу коня отрубила.

— Пока это съем, куда он далеко убежит? — сказала она.

Мака-Маатыр же четыре реки переплыл и четыре горы перевалил. Шестиглазая девица догнала его, брат

с сестрой схватились — и началась борьба.

Алтын-Тана тут увидела: Мака-Маатыр бьется с шестиглазой Карагыс. Она пошла к ним.

— Шестиглазая Карагыс, ты съела белый скот, съела весь свой народ, съела мать-отца. Ты — пожирательница своих родителей, братьев, гонительница своего рода и народа, но Мака-Маатыр — мой муж. Не трогай моего мужа, — сказала Алтын-Тана.

Карагыс тут слышит, что это, оказывается, дочь кудая говорит.

— Пеек, видно, быть моей могиле здесь, — сказала шестиглазая Карагыс. — Домой, домой, домой, — сказала и побрела домой.

Так успокоилась сестра - пожирательница. Мака-Маатыр и Алтын-Тана стали жить дальше.

ТРИ БРАТА.

или три брата, без матери, без отца. Они работали на бая. Одного из них звали Бир-Карыш, второго — Эки-Карыш, третьего — Юч-Карыш.

Однажды бай послал их к Дьелвеену. Сначала он послал Юч-Карыша. Он перешел семь рек, перевалил семь гор.

Бай ему наказал, чтобы он переходил реку не по деревянному переходу, а по волосяному переходу. Но Юч-Карыш подумал: «Я лучше перейду по деревянному переходу. Зачем мне переходить по волосяному переходу?»

Юч-Карыш стал переходить по деревянному переходу. Собака Дьелвеена залаяла: Ав! Ав!»

Дьелвеен сказал:

Сын, иди посмотри, который из трех Карышев идет?—

Сын сказал:

— Юч-Карыш идет.

Дьелвеен:

— Ну, будет мне пища, — так сказал.

Юч-Карыш пришел. Дьелвеен вышел на улицу.

— Ну, чего надо? — спрашивает Дьелвеен. Юч-Карыш стоит молчит.

— Ну иди открой проход загона для лошадей, — сказал Дьелвеен.

Но Юч-Карыш проход загона для лошадей открывал-открывал, но не смог открыть. Вошел к Дьелвеену.

— Кони лягаются, — так сказал.

— Ну иди открой проход загона для коров, — сказал Дьелвеен. Юч-Карыш проход загона для коров открывал-открывал и не смог открыть. Не сумев открыть, он пошел к Дьелвеену.

Дьелвеен:

— Иди открой проход загона для овец, — сказал.

Но он и его не смог открыть. Опять зашел к Дьелвеену.

— Ну, что случилось? — спросил Дьелвеен. Ну Юч-Карыш сказал:

— А овцы бодаются!

Дьелвеен сказал:

— Подставь сюда свою макушку.

Юч-Карыш подставил свою макушку. Дьелвеен, взял топор и рубанул его по макушке. Дьелвеен засунул Юч-Карыша в свой мешок.

Много-много месяцев прошло, почти год прошел. Бай за старшим братом послал Эки-Карыша. Эки-Карыш перешел семь рек, перевалил семь гор. Дошел до Дьелвеена. Бай Эки-Карышу наказал так: «Переходи по волосяному переходу, по деревянному переходу не переходи». Эки-Карыш подумал: «Зачем мне переходить по волосяному переходу, лучше перейду по деревянному переходу».

Эки-Карыш перешел по деревянному переходу. Собака Дьелвеена залаяла: «Ав! Ав!»

Дьелвеен спросил у сына:

— Который из Карышев идет?

Сын ответил:

— Идет Эки-Карыш.

Эки-Карыш перешел речку. Дьелвеен вышел навстречу. Дьелвеен спросил у Эки-Карыша:

— Что нужно?

Эки-Карыш стоит, ничего не говорит. Дьелвеен сказал:

— Иди открой проход загона для лошадей.

Эки-Карыш открывал-открывал, но проход не сумев открыть, зашел к Дьелвеену:

— Кони человека так лягают!

— Ну иди открой проход загона для коров, — сказал Дьелвеен. Сколько ни старался Эки-Карыш — не смог открыть проход загона для коров, от злости все внутри вскипело, подошвами не касаясь земли, опять побежал к Дьелвеену.

— Ну, что случилось? — спросил Дьелвеен.

— Раз и они так лягают, бодают, что делать человеку?

Тогда Дьелвеен:

— Подставь сюда свою макушку, — сказал ему.

Тот подставил свою макушку, Дьелвеен рубанул топором по его макушке. Эки-Карыш умер. Дьелвеен засунул Эки-Карыша в свой мешок. Прошло много-много лет, месяцев, дней.

Бай Бир-Карыша тоже послал к Дьелвеену. Бай ему наказал: «Ты, Бир-Карыш, по волосяному переходу переходи, по деревянному переходу не переходи». Бир-Карыш подумал: «Мои двое братьев погибли, теперь, видно, и мне погибать».

Бир-Карыш перевалил семь гор, перешел семь рек. Он увидел жилище Дьелвеена, а за ним — озеро. Собака Дьелвеена залаяла: «Ав! Ав!» Бир-Карыш стал переходить по волосяному переходу. Дьелвеен сказал сыну:

— Сын, иди посмотри, который из Карышев идет, по какому переходу переходит?

Сын сказал:

— Бир-Карыш идет. По волосяному переходу идет. Дьелвеен громко закричал:

— Ну, этот, видно, уничтожит мое стойбище. Бир-Карыш перешел. Дьелвеен вышел навстречу.

— Здравствуй, брат, — сказал он.

— Здравствуй, — тихим голосом ответил Бир-Карыш.

— Ну, что нужно? — спросил Дьелвеен. Бир-Карыш ничего не ответил, потом сказал:

— Я пришел к тебе .

— Если нечего делать, иди и открой проход загона для лошадей, — сказал Дьелвеен.

Бир-Карыш проход загона лошадей открывал-открывал — не смог открыть. Вошел к Дьелвеену. Он стал плакать, бить, колотить Дьелвеена.

— Ну, что тебе надо? — спросил Дьелвеен.

Бир-Карыш сказал:

— Лошади лягают!

Дьелвеен сказал в ответ:

— Если лошади лягаются, ты их немного поколоти жердиной.

Бир-Карыш опять пошел открывать проход загона для лошадей. Лошади стали лягать его. Бир-Карыш взял жердину, стал колотить лошадей. Лошади все подошли. Потом Бир-Карыш обманул Дьелвеена так:

— Проход загона лошадей открыл, теперь что дашь?

Дьелвеен сказал, что потом рассчитается.

— Ну, теперь иди открой проход загона для коров, — велел он.

Бир-Карыш опять пошел и стал открывать. Коровы стали его бодать. Бир-Карыш никак не смог открыть проход. Бир-Карыш к Дьелвеену опять же пошел.

— Ну, что случилось, сынок? — спросил Дьелвеен. Бир-Карыш сказал:

— Коровы бодают.

— Ты, сынок, посильнее постегай их прутом, — ответил он. Бир-Карыш пошел открывать проход в загоне. Коровы стали бодать Бир-Карыша. Бир-Карыш взял прут, гоня по углам загона, всех коров перебил. А Дьелвеену он сказал:

— Я богатырь, я открыл проход в загоне.

Дьелвеен его похвалил.

— Ну, теперь иди открой проход для загона телят, — сказал он. Бир-Карыш стал открывать проход загона телят. Опять телята стали бодать его. Проход никак не смог открыть. Опять же пошел к Дьелвеену.

— Я не смог открыть проход загона, — сказал он.

Дьелвеен сказал:

— Если они тебя бодают, ты поколоти их длинной палкой.

— Хорошо, я их поколочу, — сказал он и пошел открывать проход загона.

Когда телята стали бодать Бир-Карыша, он взял длинную палку и стал колотить их. Телята забились в отверстия загона и погибли.

— Ну, я и шустрый, — похвалился он Дьелвеену.

Дьелвеен же подбадривал его, хвалил. Тот весь скот Дьелвеена уничтожил. Пока они ели мясо этого скота, семь дней прошли, неделя прошла.

У Дьелвеена ничего не осталось. Бир-Карыш у него все подчистил. Бир-Карыш заглянул в мешок Дьелвеена. Смотрит — его два брата там мертвые лежат. В это время Дьелвеен вошел. Он взял мешок и пошел к каану. Семь гор он перевалил, семь рек перешел. Дьелвеен крикнул так:

— Бир-Карыш, ты почему остался один-одинёшенек в жилище!

А Бир-Карыш отозвался из мешка:

— Я здесь.

Дьелвеен сказал себе: «Где, какому уху слышно?» Отрезав свое правое ухо, он бросил его в воду. Его ухо в воду — мац! — шлепнулось.

Потом он пошел дальше. Семь гор перевалил, семь рек перешел. Дьелвеен опять крикнул:

— Бир-Карыш, ты где остался? — так спросил.

Бир-Карыш из мешка закричал:

— Я здесь.

Дьелвеен:

— Какому уху слышно? — так сказав, отрезал свое левое ухо и бросил в воду. Ухо его в воду — мац! — шлепнулось.

Он пошел дальше без ушей, комолый. Дошел до просторных земель другого хана. Он пошел за дровами, стал собирать их.

Бир-Карыш вылез из мешка. Тут Дьелвеен видит: Бир-Карыш рядом с мешком стоит.

Дьелвеен спросил:

— Когда пришел?

Бир-Карыш ответил:

— Я следом за тобой и пришел. Иду к хану.

Дьелвеен, думая, что это существо Нижнего мира, стал разжигать костер. Он не понял, что Бир-Карыш не сам пришел к хану, а прибыл сюда в его мешке.

Бир-Карыш пошел к хану. Видит, под деревом девушка плачет. Бир-Карыш подошел к ней и спросил:

— Ты где живешь?

Девушка ответила;

— Я живу здесь, мой аил за той горой.

— Твои родители живы или умерли? — спросил Бир-Карыш.

— Родители мои живы, — ответила девушка.- Я больна, родители искали шамана, но не смогли ни одного из них найти. Ты случайно не шаман-лекарь?

После этого Бир-Карыш решил сказать, что он шаман-лекарь. Бир-Карыш вылечил девушку. Обрадованный ее отец спросил у девушки:

— Пойдешь ли ты замуж за Бир-Карыша?

— Если Бир-Карыш увезет меня, то пойду, — сказала она.

Бир-Карыш женился на девушке, они стали жить

вдвоем.

Бир-Карыш опять стал шаманить со словами: «Все равно душу его поймаю». Он шаманил: «В эту просторную землю прибыл Дьелвеен. Его надо сжечь, уничтожить».

Все люди пришли, чтобы сжечь Дьелвеена, поймали его и сожгли. Головы всех людей, которых он съел, были у него в животе. Все люди этому удивлялись.

ОТВЕРЖЕННЫЙ АЛТЫН-КАНЬПУК

Давным-давно это было, оказывается. Раньше давнего, по ту сторону давнего жил Ак-Каан. У него родился сын. Этот ребенок был хилым, рос плохо. Жена Кюмюш-Ару сказала:

— Этот ребенок плачет и плачет до изнеможения, какой из него ребенок вырастет? Поди, его черт - кёрмёс сотворил. Я его оставляю среди бычков, пусть они его растопчут.

— Ну, бросай. С тех пор как родился этот ребенок, у меня в ушах его крика волосы выпали. Жена Кюмюш-Ару завернула ребенка в бычью шкуру, выбросила на улицу бычкам. Назавтра она сказала хану:

— Ты иди, посмотри, поди, ребенок помер.

Ак-Каан вышел посмотреть, но там ни шкуры бычка, ни ребенка не было. Так они и остались жить.

Живущий в подземном мире Кара-Каан услышал плач ребенка, отвергнутого родителями. Он принес его оттуда в свой подземный мир, где жил.

У Кара-Каана было три дочери. Сына не было. Хан очень обрадовался. Три дня пил араку. «Теперь есть мужчина, который будет править родом и семьей», — так решил Кара-Каан. Пошел к старшей дочери:

— Э-э, старшая моя дочь, я тебе принес мальчика, чтобы ты выкормила его. Если выкормишь, он тебе будет подмогой, а если не сможешь выкормить, то пусть кормит средняя дочь. Хорошо его корми, пусть он вырастет большим. Через три дня приду и посмотрю, — так он сказал и ушел в свой дворец- оргё.

Старшая дочь стала кормить ребенка, но тот еды не ел, питья не пил, а только кричал. Он пинком разломал берестяную колыбель. Старшая дочь заплакала: «Что за ребенка отец мне дал? Он не ест, а только пинается».

Через три дня Кара-Каан пришел и тут же спросил:

— Ребенок ел?

— Нет, не ел. Разломал берестяную колыбель. Унеси его отсюда.

Кара-Каан взял мальчика и принес его средней дочери:

— Э-э, средняя моя дочь, ты выкорми этого ребенка. Если ты выкормишь его, он тебе будет подмогой, если не выкормишь, я понесу его к младшей дочери, — так сказал и оставил мальчика. Сам снова ушел домой.

Средняя дочь стала растить ребенка. Тот не ест, а только пинается. Он пинком разломал железную колыбель. Средняя дочь устала от плача ребенка. Через три дня Кара-Каан заявился. Спросил у средней дочери:

— Растет этот ребенок?

— Нет, отец, устала я. Унеси его быстрее отсюда. Кара-Каан понес его младшей дочери. Сказал дочери Таный:

— Если ты выкормишь этого ребенка, он будет тебе подмогой. Это не простой ребенок. Его имя будет Алтын-Каньпук, — так сказав, ушел домой.

Девушка Таный стала кормить его. Этот мальчик

еду поел, колыбель из шкур отшвырнул. Алтын-Каньпук с каждым днем становился взрослее. Девушка Таный увидела, как Алтын-Каньпук уже парнем стал. Таный сказала: «Как здорово!»

Через три дня Кара-Каан явился. Видит: Алтын-Каньпук сидит, как мужчина. Это, увидев, Кара-Каан испугался: «Старшие дочери еще не вышли замуж, а младшая дочь раньше их выйдет, перед людьми позор будет, — подумал про себя. — Погоди-ка, я дам ему задания. Если он пройдет испытания, то девушка Таный будет его». Алтын-Каньпуку он сказал так:

— Утром ты приходи ко мне.

Наутро Алтын-Каньпук зашел в оргё Кара-Каана. Кара-Каан сказал:

— Ты собираешься жениться на моей дочери. Я дам тебе задание. Слушай внимательно. На троих дочерей я надену одинаковые наряды — все они будут на одно лицо. Если ты среди этих девушек узнаешь Таный, она будет твоей. Если не узнаешь — отрублю твою голову, положу вместо твоих ног, отрежу твои ноги и положу вместо твоей головы.

— Ну, пусть будет, что будет, — Алтын-Каньпук сказал так и пошел к своей девушке Таный.

Девушка Таный спросила у Алтын-Каньпука:

— Зачем звал тебя отец?

— Твой отец дал мне такое задание: рано утром он троих своих дочерей оденет и сделает их одинаковыми. Если из них троих я узнаю тебя, то возьму замуж, если не узнаю, то он мою голову отрубит.

Услыхав это, девушка Таный так сказала:

— Мы, все трое девушек, взявшись за руки, будем прыгать. Как только упадет конец моего платка, ты поймай меня.

— Ладно, сказал он.

Алтын-Каньпук рано утром пошел к Кара-Каану, вошел в его оргё. Кара-Каан сидит возле своего очага, положив рядом с собой свой меч. Перед ним прыгают три девушки. Когда Алтын-Каньпук внимательно присмотрелся — одна девушка опускает на землю конец своего платка. Он поскорее поймал эту девушку. Это была девушка Таный.

У Кара-Каана, увидевшего это, почернело лицо:

— погоди, Алтын-Каньпук, я дам тебе другое задание. Внимательно слушай. Завтра я трех девушек превращу в трех гусынь. Если из трех гусынь ты узнаешь свою Таный, она будет твоей, если не узнаешь, то отрежу твою голову и положу вместо твоих ног, отрежу твои ноги и положу вместо твоей головы, — сказал Кара-Каан.

Выслушав это, Алтын-Каньпук вернулся в свой оргё. Девушка Таный спросила;

— Ну, как все было? Что сказал отец?

— Отец твой опять же дал мне задание. Он вас превратит в трех гусынь. Среди этих трех гусынь как мне тебя найти? — так сказав, заплакал.

— Хм, если мы будем гусынями и одна гусыня из трех будет разбрасывать пшеницу, то это буду я. Ты в это время поймай меня.

— Ладно, — сказал он.

Наутро он опять пошел к Кара-Каану. Кара-Каан сидел ел в своем оргё. Алтын-Каньпук внимательно присмотрелся: одна гусыня выгребает пшеницу из чашки. В это время Алтын-Каньпук и поймал ее. Это была девушка Таный. Увидев это, Кара-Каан рассердился:

— погоди, Алтын-Каньпук, я дам тебе еще одно, последнее задание. Ты видишь во-он то место? Там до утра выстрой большой оргё. Если построишь его, то девушка Таный будет твоей. Вы будете там жить. Если не построишь — отрублю твою голову и положу вместо

твоих ног, отрежу твои ноги и положу вместо твоей головы. Теперь иди домой и спи.

Алтын-Каньпук ушел домой. Девушка Таный спросила его:

— Что отец сказал?

— Твой отец, наверное, убьет меня. Он дал мне задание за одну ночь построить оргё, — сказал. — Как я построю его, у меня сил нет, — сказал он.

— Алтын-Каньпук, спи спокойно. Если я возьму у матери волшебную книгу, то до утра построю тебе оргё, — так ответила Таный и ушла к матери.

Она вошла в оргё старухи. Поздоровалась.

— Э-э, мать, я пришла к тебе, чтобы расчесать твою голову, — сказала дочь.

— Э-э, моя младшая дочь, конечно же, расчеши мои волосы, — сказала мать.

Когда девушка Таный стала расчесывать голову матери, мать уснула. Девушка Таный вышла наружу, достала волшебную книгу, которая была спрятана под топolem, торопливо пошла к тому месту, где должен стоять дворец, три раза махнула книгой и перед ней встал большой оргё. Там она поселила людей. Сама вернулась в свой оргё.

Когда Кара-Каан утром посмотрел — оргё на солнце сверкает, как золото. Кара-Каан сказал Алтын-Каньпуку:

— Теперь ты выиграл все состязания. Если хочешь жениться на девушке Таный, женись.

— Конечно, женюсь, — сказал Алтын-Каньпук.

Кара-Каан на девять лет той устроил, девять лет продолжались игры. Приготовленную еду съели, выпивку, которую надо было выпить, выпили. Расходясь в разные стороны, народ говорил: «Очень хорошая свадьба была».

Какая-то старушка, которая пришла на свадьбу-той,

сказала Алтын-Каньпуку:

— Ты сын Ак-Каана, как живешь на чужой земле? Пусть и плохо на родной земле, но все же она лучше, не так ли?

Услыхав это, Алтын-Каньпук стал собираться, чтобы вернуться на свою землю.

Тут и Таный стала так говорить Алтын-Каньпуку:

— Уйдем отсюда поскорее, мать и отец нам житья не дадут. Алтын-Каньпук, который женился на ней, сказал:

— Я тоже думал уйти отсюда. Теперь я снова вернусь на свою землю. Оказывается, у меня отец есть, у меня своя река и земля есть.

Теперь они договорились бежать. Девушка Таный и Алтын-Каньпук отца и мать напоили крепким напитком-араки, те опьянели. Оба заснули. А эти сбежали. Таный забрала с собой волшебную книгу своей матери.

Мало ли, много ли они бежали, долгий путь прошли, но до родной земли было еще далеко.

Мать и отец проснулись через три дня. Мать, старуха Шипилдей, видит: книга ее исчезла. Надо догонять. Кара-Каан своих гонцов послал.

— Если не поймаете, отрублю ваши головы, — сказал. Те пустились вдогонку.

В это время Алтын-Каньпук и девушка Таный увидели: туман растекается, будто дождь идет. «За нами гонятся», — сказала. Девушка Таный тут же Алтын-Каньпука и себя превратила в два ярких цветка. Они, распустившись, стояли на горе и на ветру туда-сюда покачивались.

Немного времени прошло, догнавшие их люди примчались к этому месту. Увидели: там людей нет, никого нет, только на горе два цветка растут. Один из них только хотел их сорвать, второй сказал: «Не рви то, что сотворил

бог-кудай». Тот не стал рвать. Оба снова вернулись домой.

Один из них сказал Кара-Каану: «В пути мы никого не встретили. Только на горе два солнечных цветка росли. Те цветы вот он не дал сорвать». Услыхав это, Кара-Каан отрубил голову этому человеку. Опять послал гонцов.

За это время девушка Таный и Алтын-Каньпук далеко ушли. Девушка Таный видит холодный дождь и холодный ветер им вслед пустились. За ними гонятся.

Она увидела, как впереди течет ручей. Она себя и своего мужа превратила в рыб. Спрятались под камнем.

Прошло немного времени. Гонцы догнали их. Туда-сюда посмотрели — людей нет, никого нет. Собрались вернуться домой. Стали поить лошадей. Увидели: в воде под камнем спрятались рыбы. Один из них хотел поймать, но второй сказал:

— Не трогай то, что сотворил кудай.

Тот не стал ловить. Напоив лошадей, они снова вернулись домой.

Один из них сказал Кара-Каану:

— Ничего мы не обнаружили. Только две рыбы лежали, прижавшись к камню. Вот он не дал мне поймать их.

Услыхав это, Кара-Каан отрубил тому гонцу голову. Увидев это, жена сказала:

— Так мы всех своих людей можем поубивать. Я сама пойду. Старуха Шипилдей пустилась вслед за своей дочерью. Пошел сильный дождь. Подул сильный ветер. Девушка Таный сказала:

— Это моя мать идет. Я теперь ничего не смогу сделать. Я превращу тебя в плоский камень, а сама сяду на него.

Она Алтын-Каньпука превратила в плоский камень, сама села на него. Мать спустилась с черной тучи.

— Э-э, здравствуй, дочка. Ты куда убежала? На меня рассердилась? Зачем забрала волшебную книгу? Вернись

домой, дочка. Старшие сестры тебе ничего не скажут. Вернись домой, дочка.

Дочь Таный сказала:

— Девушка, родившаяся, чтобы жить на чужой земле, и должна жить на чужой земле, я, ведь, вышла замуж. Нет, я не вернусь, мама.

— Ну, если не идешь домой, то я принесла тебе эти два яйца. В этих яйцах два платья. Человек, который ушел на чужую землю, должен хорошо одеваться. Вернись домой, дочка.

— Нет, не вернусь, мама. Сама возвращайся домой. Мать взяла волшебную книгу, а сама запела:

— Надо вернуться, дитя мое,

Вернуться надо домой,

Тяжело тебе будет на чужой земле.

Сама вернулась домой. Девушка Таный и Алтын-Каньпук пошли дальше. Когда они поднялись на высокую гору, то показался дьурт, где живут люди. Алтын-Каньпук, оставив Таный, сам пошел посмотреть, кто там живет.

Таный осталась. Алтын-Каньпука ждала-ждала и, не дождавшись, сама пошла. Она увидела маленькое жилище. Вошла в это жилище. Там сидели девушки и шили платья для тоя.

С девушками она поздоровалась, назвала свое имя.

— Чей той будет? — спросила Таный.

— Вернулся сын Ак-Каана, он устраивает той. Берет девушку Палтыр-Кодыр, — ответили девушки. — Ты пойдешь с нами?

— Конечно, пойду.

— У этого Ак-каана еще дети есть? - спросила Таный.

— Есть младшие дочери.

Таный помогла девушкам сшить шубу, платья, чтобы одеть вечером. Девушки принарядились. Девушка

Таный разбила то яйцо, которое дала ей мать. Платье ее засверкало, как солнце.

Они вошли в оргё Ак-Каана. Там, где положено, сидели Алтын-Каньпук и девушка Палтыр-Кодыр. Алтын-Каньпук был одурманен, свою настоящую жену не узнал.

Девушки и парни стали играть. Девушка Таный вышла, идет домой. Она свое платье, сверкающее, как солнце, отдала одной из дочерей Ак-каана, сама пошла домой.

Назавтра она снова помогала девушкам шить одежду. Пошла в оргё Ак-Каана. Парни и девушки снова играли. Алтын-Каньпук не узнал девушку Таный. Перед тем как уйти, Таный свое изумрудное платье и еще кольцо снова отдала одной из дочерей хана. «Утром, встав, ты это кольцо в чашку Алтын-Каньпуку опусти», — сказала.

Утром встав, дочь хана в чашку Алтын-Каньпуку кольцо незаметно опустила. Увидев его, Алтын-Каньпук опомнился: «Эта девушка Таный откуда пришла? Э-э, я ее забыл, оказывается». Тут он пошел, стал искать девушку Таный. Девушку Палтыр-Кодыр оставил. Вдруг видит, одно жилище стоит. Вошел туда. Там сидит девушка Таный. Тут они поздоровались, поговорили. Устроили настоящий той. На тридцать лет игры устроили. Блюдо с угощениями- тепши до дна опустело, весь народ разошелся.

ЛИСИЧКА – СВАХА И СИРОТА ОСКЮЗЕК.

Однажды, когда охотник по имени Оскюзек охотился на зверей и птиц, ему встретилась лисичка. Он стал целиться в лисичку, тогда она сказала:

— Здравствуй, сирота-бедняга Оскюзек, не убивай меня, я тебе помогу. Давай, вдвоем будем друзьями?

Оскюзек согласился. Стали они друзьями, стали жить в мире и согласии. Так они и дальше жили бы, но однажды лисичка спросила:

- Оскюзек, хочешь, я сосватаю тебе дочь Караты-Каана? Оскюзек улыбнулся, затем рассмеялся и сказал:

- Если есть такая возможность, очень хорошо было бы. Лисичка, выслушав его, ответила так:

— Пока я займусь этим, ты наймись к людям, заработай немного денег. Чтобы к моему возвращению деньги были.

Лисичка, опустив хвост, убежала. Прибежала к Караты-Каану, зашла в его каменный шестислойный дворец- байзынг, сказала:

— Я к вам с просьбой пришла. Нет ли у вас весов, чтобы деньги взвесить? Пересчитывая деньги Оскюзека, не смогли все сосчитать, поэтому подумали: «Может быть, их лучше на весах взвесить?»

Караты-Каан удивился и дал весы. Лисичка, взяв весы, обратно побежала. Прибежала к Оскюзеку, спросила:

— Ну, нашел деньги?

Оскюзек мешок медных монет нашел, оказывается. Затолкав эти медяки в щели-изгибы весов, несколько монет положив на дно весов, лисичка отнесла весы обратно. Дотавив их, поставила на землю, тут из щелей весов посыпались деньги. Караты-Каан спросил:

— Сколько денег у вас оказалось?

Лисичка сказала:

— Говорят, что сто весов было.

Услышал это Караты-Каан, удивился. А тогда же Караты-Каан сказал:

- Соберите рассыпанные на земле деньги, — лисичка ответила так:

— И те деньги не сосчитали, зачем нам еще и эти.

Лисичка обратно побежала. Собрала она у людей один сосуд - тажур аракы, побежала к Караты-Каану сватать его дочь по имени Айтана. Лисичка, опустив хвост, наострив уши, помчалась к владению Караты-Каана. Красная лиса, струясь красным мехом, бесстрашно открыв двустворчатую двойную дверь, забежала. Араку в красном свадебном тажуре поднесла, перед Караты-Кааном на правое колено присела, завела разговор о жизни, спросила, в мире и покое ли они живут, да сама все ответы выслушала.

Лисичка сказала:

— Ну, вы Оскюзека знаете, у него ни отца, ни матери нет, ни человека, который мог за него просить, нет. Попросил меня. Я пришла сватать вашу дочь, которая засиделась в невестах. В большом слове тайны нет, в великом слове стыда нет, говорю вам прямо.

Караты-Каан рассмеялся :

— Лисичка, оказывается, сватья, — с этими словами посадил ее на белый почетный ковер-ширдек, перед ней золотой стол поставил, положил яства-угощения, принял от лисички тажур, налил из него аракы в серебряный чайник, оттуда - в золотую пиалу. Пригубив, они выпили. Супруга Караты-Каана Алтын-Тана сказала:

— Ну, теперь опозоримся в народе и племени, скажут, что дочь хана выходит замуж за бедного, да пешего. Сватьей лисичка стала.

Дочь Айтана ответила так:

— Оскюзек ли бедным-пешим считать? Он ведь у нас весы брал, чтобы деньги взвесить, был не в силах их сосчитать. Кто плохо скажет о красавице красной лисе, если она сватать пришла.

Караты-Каан сказал:

— Ну раз так, все мы даем свое согласие. Пусть через три дня Оскюзек сам прибудет.

Лисичка, дослушав, тут же побежала обратно. Вернувшись, Оскюзеку говорит:

— Уловка-хитрость удалась, Караты-Каан дал свое благословение. Дочь Айтана дала свое согласие. Он велел прибыть тебе самому через три дня.

Когда прошло три дня, лисичка сделала из цветков пионов красивую шубу, одела Оскюзек. Издали казалось, что Оскюзек одет в шубу из золотой парчи, подобной солнцу и луне. Лисичка из бересты, вымазав углем, сделала вороного коня. Посадила Оскюзек, отправились вдвоем.

Они добрались до реки, протекавшей рядом с жилищем Караты-Каана, притворились, будто переплывают ее, прыгнули в воду. Лисичка, переплыв реку, велела Оскюзеку:

— Ну, теперь коня, сделанного из бересты, спусти в воду, сорви одежду, сделанную из цветов, и брось в воду. Сам седи под этим яром, а я схожу к Караты-Каану.

Лисичка, опустив хвост, наострив уши, без страха открыла двустворчатую железную дверь, зашла в каменный дворец - оргё с шестьюдесятью двумя углами. Поздоровалась и сказала:

— Ну, что делать? У нас беда случилась. Когда мы через эту широкую реку переправлялись, коня Оскюзек и его одежду течением унесло, утонули все шесть тажуров крепкого напитка, приготовленные угощения,

навьюченные на коней. Оскюзек сам еле живым остался, совсем голый под яром сидит, попал в такую беду. Я прибежала спросить у вас, как тут быть.

Караты-Каан сказал:

— Ну, что делать? Всякий может быть морем притеснен, для всякого гора преградой может стать. Мужчина сохранил жизнь, и то хорошо. Что нужно ему, все дам. Будь то угощения, будь то араки — все будет. Я дам тебе шубу из золотой парчи, черную бобровую шапку, обувь из шкуры черного зверя мааны, черный шелковый пояс, дам вороного коня-иноходца, вместе с вьючным бронзовым седлом, отделанным золотом-серебром, с широким, как поле, потником, мягким, как ковер, чепраком. Увези все это Оскюзеку.

Лисичка забрала все это, привезла Оскюзеку. Не радовавшийся Оскюзек обрадовался. Когда он оделся, стал в десять раз лучше, чем раньше, сел на иноходца, приехал.

Когда он у коновязи Караты-каана спешился, собравшиеся молодые парни взяли за уздечку коня, привязали его, прекрасные красавицы-молодые женщины встретили его с песней. Айтана вместе со всеми вышла встречать.

Оскюзек увидел, что очень много народу собралось. Караты-Каан своему народу и племени сказал так:

— Вот и начинается большой праздник в честь моей единственной дочери Айтаны. Отдаю ее за Оскюзек, устраиваю той. Во что бы то ни стало, я сумею устроить той на семь лет.

Был очень большой той. В конце тоя Караты-Каан так сказал:

— Теперь такой же той будет в стойбище Оскюзек, теперь туда поедем.

Услышав это, Оскюзек очень сильно испугался,

опечалился: «Ведь нет у меня ни аила, ни стойбища, нет еды-угощения, что же придумать?» Увидев это, лисичка народу сказала:

— Подождите, я сбегаю домой. Посмотрю, как там народ и племя готовится к тою, еще раз велю им, чтобы хорошо готовились.

Караты-Каан согласился. Лисичка убежала. По дороге она забежала к хану Ак-Саалу, ездящему на бело-сером коне. Увидел, что стар он стал, крепкие кости его ослабели.

И вот этот старик спросил лисичку:

- Лисичка, куда это ты бежишь?

- Ну, я пришла просить у вас помощи. Оскюзек женился на дочери Караты-Каана. Чтобы устроить той, у него нет ни возможности, ни еды-угощения, ни крепких напитков. Помогите сироте.

Ездящий на бело-сером коне Ак-Саал сказал:

— Согласись он стать моим сыном, я бы ему помог.

Услыхала это лисичка и сказала:

— Да, я слышала, что Караты-Каан собирается пойти на вас с войной. Вы спасетесь, если Оскюзеку скажете, что этот народ, эти стада, это богатство — все принадлежит Оскюзеку, вот тогда останетесь живыми.

Ак-Саал сказал:

— И правда, пусть Оскюзек вместо меня будет ханом, объявите это народу и племени, мне нужен покой.

Лисичка ответила:

— Велите, пусть народ-племя собирается, празднует. Пусть будет той. Когда Караты-Каан прибудет, пусть Оскюзек как хан сядет на трон -шире. Вы же говорите народу, что он женился на дочери Караты-Каана и устраивает второй той.

После этих слов Лисичка вернулась к Караты-Каану. Народ стал собираться в дорогу. Лисичка видит: жена Караты-Каана, дочь, зять и сам Караты-Каан едут на

одинаковых черных иноходцах, с собой взяли семерых парней- помощников, поддерживающих его под руки , семерых молодых женщин-певуний.

Красная, красивая лисичка, опустив хвост, сверкая мехом, побежала, опережая их.

Караты-Каан видит: бело-серые табуны коней всю землю заполнили. Когда спросили пастухов:

— Чьи это табуны?

Те ответили:

— Табуны Оскюзека.

Дальше едут, бесчисленные стада коров пасутся.

Тогда опять спросили:

— Чьи это стада?

Пастухи ответили:

— Коровы Оскюзека.

Услыхав это, Оскюзек сам про себя сильно удивился: «У меня, не имевшего табунов, табуны нашлись, у меня, не имевшего стада коров, стада нашлись».

Дальше едут, встретились пастухи, пасущие овец. Когда у них спросили, они тоже сказали:

— Эти овцы Оскюзека.

Дальше едут, шестидесятидвухугольный каменный дворец- байзынг стоит. Возле него люди, приготовившиеся к тою, ждут. Сто помощников, поддерживающих под руки гостей, стоят, сто молодых женщин-певуний стоят.

К коновязи подъехали, парни берут коней за уздечки, привязывают к коновязи, гостей под руки берут, в шестидесятидвухугольный дворец- оргё ведут.

Оскюзек стал править как хозяин ханства. Начался праздник-той. Казалось, шесть дней праздновали — на самом деле шесть лет прошло; ребенок, лежавший в колыбели, взрослым стал, жеребята, привязанные к привязи из аркана, лошадьми стали.

Люди говорят, что так сирота-бедняга Оскюзек с помощью лисички стал ханом.

МУЖ - РЫЖИЙ ПЕС.

ил старик Олёнмир. У него было три дочери. Однажды жена попросила его:
— Сходил бы ты за дровами!

Старик Олёнмир пошел за дровами. В поисках дров он наткнулся на старое дерево с дуплом. Когда он свалил его, из дупла выскочил рыжий пес. Он стал кусать Олёнмира, порвал его шубу. Старик от страха обезумел, упал лицом в снег. Пес стал кусать еще сильнее. Потом он разодрал его шубу, потом спросил у старика:

— Отдашь за меня свою дочь или нет?

Испуганный старик ответил:

— Которую из дочерей хочешь взять, бери, только меня оставь живым.

Рыжий пес сказал:

— Утром приду, мне откроешь дверь, — с этими словами отпустил старика.

Олёнмир домой вернулся без дров. Когда вернулся в свой аил, его супруга спросила:

— Это кто разодрал тебя? Кому позволил побить себя?

— Надо же так, — ответил он. — Наткнулся я на дерево с дуплом, свалил его, а из дупла вылез какой-то рыжий пес, он разорвал мою шубу. Обещая отдать ему одну из своих дочерей, спас свою жизнь. Теперь старик Олёнмир у своей старшей дочери спрашивает:

— Пойдешь ли ты за рыжего пса?

— Чем идти за рыжего пса, лучше утоплюсь в реке, — сказала старшая дочь.

Он у средней дочери спрашивает:

— Пойдешь ли ты за рыжего пса, балам – дитя мое?

Средняя дочь ответила:

— Чем идти за рыжего пса, лучше, брошусь в огонь.

Отец у младшей дочери спрашивает:

— Пойдешь ли ты за рыжего пса?

Младшая дочь сказала:

— Чем отцу погибнуть, лучше я пойду за рыжего пса.

Тогда отец сказал:

— Рано утром придет рыжий пес, ты ему откроешь дверь.

Рано утром у двери заскулила собака. Когда младшая дочь открыла дверь, оказалось, что рыжий пес пришел. Он вошел и лег под кровать. Вот он лежит и разглядывает походку девушки, покорно повиливая хвостом. Та девушка рыжему псу подала еды в посуде. Пес, облизывая ее языком, вылакал. Потом, выгибая спину, пес подошел к двери. Когда девушка открыла дверь, пес вышел наружу. Отец сказал своей дочери:

— Почему не идешь за ним? Теперь ты стала супругой пса. Когда девушка вышла вслед за псом, рыжий пес стоял снаружи.

Увидев девушку, он пошел, она пошла вслед за ним. Оба молча прошли долгий путь.

Пришли в какой-то аил. Когда они вошли, там лежали две старые собаки. Рыжий пес, подойдя к тагану, заскулил. Девушка принесла казан, поставила на таган, туда налила воду, спустила мясо, стала варить. Когда мясо сварилось, девушка положила его собакам. Две собаки взяли в зубы по кости, залезли под нары, стали глотать. Рыжий пес и девушка положили мяса в одну чашу. Рыжий пес,

обгладывая, стал есть, девушка, отрезая, стала есть.

Прошло немного времени, как от какого-то человека пришел посыльный, чтобы позвать рыжего пса на свадьбу - той.

Жена рыжего пса сказала:

— Как мы на свадьбу пойдём, ведь мы же люди-собаки. Когда посыльный ушел, рыжий пес тоже вышел. Девушка тут увидела, как рыжий пес гонит лошадей разных мастей. Потом рыжий пес принес ей узду и заскулил, девушка поймала одну из лошадей, оседлала и села на нее. Рыжий пес впереди побежал, жена позади поехала на лошади.

Оба приехали на той. Ходят там. Жена ходит следом за своим псом. Вдруг она обнаружила, пса нет.

«Это куда делся мой пес? Наверное, не дождавшись меня, ушел домой», — подумала она и села на свою лошадь, поехала домой. Когда она проехала полпути, то увидела, что едет очень красивый парень на сиво-сером коне.

Она стала проезжать мимо. Парень стал останавливать ее:

— Постой, поговорим с тобой.

— Нет, нет, с вами разговаривать у меня нет времени, — ответила она. — Я потеряла своего пса-мужа, еду искать его. Когда она приехала в свой аил, пес-муж лежал дома.

Назавтра снова пришел посыльный с просьбой прийти на свадьбу. Пес-муж опять побежал и пригнал другой табун, все оказались бело-серыми лошадьми. Одну из них жена поймала, оседлала. Рыжий пес впереди побежал, жена позади поехала.

Приехали на той, праздновали. Потом она посмотрела, что ее пса нет. Она села на лошадь и поехала домой. Когда она проехала полпути, то увидела, что едет очень красивый парень на бело-сером коне.

— Здравствуй, здравствуй, — он говорит. — Давай, поговорим. Девушка ответила:

— О чем хочешь поговорить с женой собаки? — с этими словами она размахнулась плеткой и ударила парня по лицу, под его глазом остался синяк. Девушка галопом ускочила домой.

Когда она приехала в свой аил, то пес-муж, свернувшись, лежал в углу. Пока она разговаривала с псом-мужем, опять приехал посыльный. «Велели, чтобы вы пришли на завершение тоя», — сказал он.

Пес-муж впереди рысцой побежал, жена позади поехала.

Приехали на той, пировали, потом пес-муж исчез. «Опять ушел домой», — подумала жена и села на лошадь, поехала домой. На полпути повстречался ей очень красивый парень на вороном коне, он был красивее вчерашнего.

Парень сказал:

— Чем жить с рыжим псом, лучше жила бы ты со мной?

Девушка ему ответила:

— Я вышла за рыжего пса, мужа я не брошу.

Парень рядом рысью едет:

— Поедем вместе? — просит. Девушка, выхватила плетку:

— Рассеку все лицо, голову, — сказала она, — раз ты меня позоришь.

Парень сказал ей:

— Пожалуйста, не бей меня, я твой муж.

Из-под седла вытащил собачью шкуру, развернул ее и показал жене.

Девушка обрадовалась. Они вернулись в свой аил. Тех двух старых собак в аиле не оказалось. Теперь муж сказал ей так:

— Я съезжу на охоту. Мою собачью шкуру никому не показывай.

Когда муж уехал на охоту, пришли старшие сестры.

«Пришли посмотреть, как ты живешь», — сказали они. Пока разговаривали, сестры спросили:

— Где твой пес-муж?

— Уехал на охоту, — ответила девушка.

— Как человеку с собакой жить? Трудно, наверное, — посочувствовали они.

Девушка забыла, о чем наказывал муж, и сказала:

— Он не пес, а человек, он снял свою собачью шкуру.

— Если это так, то ты покажи нам его собачью шкуру, — попросили сестры.

Младшая сестра ответила:

— Вы сами не пошли за рыжего пса, сказали, что утопитесь в воде, сгорите в огне, зачем же вы просите у меня его собачью шкуру? Я шкуру мужа вам не покажу.

Две сестры стали умолять, просить. Но сестра не дала. Две сестры вышли из аила. Младшая сестра подумала: «Ну а что, если я покажу ее?» Когда она вышла вслед за ними наружу, две сестры, оказывается, стояли за дверью.

— Ну, заходите в аил, смотрите шкуру, будто вы никогда не видели собачьей шкуры? — так она достала им собачью шкуру.

Две сестры, схватили шкуру, тут же бросили ее в огонь. На собачьей шкуре обгорела шерсть. Две сестры убежали. Сестра достала шкуру из огня, стала ее гладить, плакать.

В это время муж вошел в дверь — оказывается, ресницы глаз, волосы на его голове обгорели.

— Надо же так, — сказал он. — Зачем отдала мою собачью шкуру? На многих дочерях ханов был женат. Но те девушки, как только увидят красивых парней, уезжали вместе с ними. Со мной не считались, не думали, что есть пес-муж. Поэтому с теми девушками я не стал жить. Но и у нас с тобой теперь здесь нет жизни. Если хочешь жить со мной, то пойдешь за мной следом, дойдешь до моей земли.

Пес-муж вышел и тут же ушел. Жена вслед за ним, плача-рыдая, пошла. Когда она за ним пришла к подножию высокой горы, муж, оказывается, уже поднялся на гору. Она вслед за ним полезла на гору. Взявшись: «Насколько я поднялась», — подумала она и оглянулась назад, но упала и кубарем скатилась вниз, в ложбину. Сломала себе бедро, не смогла встать и заплакала.

В это время прибежала серая мышь и стала грызть ее ногу.

— Ты, чертово отродье, когда я умру, тогда будешь грызть меня, пока я не умерла, зачем грызешь меня живую? — сказала она и ударила мышь, переломила ей ногу. Мышь с писком бросилась в сторону. Серая мышь отползла немного, выкопала корень какой-то зеленой травы, съела ее и побежала дальше.

Жена рыжего пса думает: «Оказывается, это целебная, лечебная трава. А что, если подползти к ней и попробовать ее? Может, и мне станет лучше?»

Волоча ноги, она подползла, вырвала траву с корнем, съела ее корень, поправилась. «Теперь никогда не оглянусь», — подумала она и направилась к вершине высокой горы.

Когда она поднялась на вершину горы, ей повстречался старик с белой бородой, золотым посохом, белыми волосами.

— Это отчего ты ходишь и плачешь, мое дитя? — спросил старик.

— Как мне не плакать? Я вышла — замуж за рыжего пса. Две сестры мои обманули меня и бросили в огонь собачью шкуру моего мужа. Поэтому муж ушел. Я иду по его следам, — ответила девушка.

Старик сказал ей:

— Я тебе дам посох. Когда будешь переходить через большие болота, там будут большие кочки. Ты пойдешь по

их верхушкам. Но если наступишь мимо кочки и упадешь, то не дойдешь до земли своего мужа. Если мирно-спокойно перейдешь, там будет течь большая река. На ее берегу будет много птиц, много разных уток, разных гусей. Всякие разные крикливые птицы там тоже будут летать. Твой муж впереди или позади всех уток будет плавать. Иди и лови его. Много разных гусей будет, только один из них будет махать двумя крыльями. Скажешь: «Это мой муж», — и пойдешь ловить его. Разные крикливые птицы будут садиться на ветки деревьев. Одна из них будет спускаться к самой земле, и подниматься на вершину дерева. Скажешь: «Это, оказывается, мой муж», — и если поймаешь ее, тогда будешь жить вместе с мужем.

Девушка взяла золотой посох, пошла дальше. Большие-пребольшие болота переходила, на верхушки кочек наступая, ни с одной из них не соскальзывая. Она подошла к берегу большой реки, а там много разных птиц ходит. Из всех уток только одна заплывает то спереди, то сзади стаи. Девушка поймала эту утку. Приплыли какие-то гуси. Один гусь обоими крыльями бьет по воде. «Это, видно, муж мой», — сказала она и ловит этого гуся. Вдруг видит: на ветках деревьев сидит очень много крикливых птиц. Только одна птичка то поднимается на вершину дерева, то опускается вниз, к самой земле. «Это, видать, мой муж», — сказала она и стала ловить ее. Тогда ее пес-муж засмеялся и предстал перед ней. Он повел жену в свое стойбище.

Две старые собаки оказались отцом и матерью парня. Рыжий пес-муж сказал девушке так:

— Я был женат на стольких дочерях ханов, на стольких дочерях богачей-баев, но свою доброту к нам они не проявляли. А ты, даже сломав себе бедро, все же нашла

меня. Теперь мы с тобой в мире и согласии вместе будем жить. Так они стали хорошо жить.

ЕЗДЯЩИЙ НА СЕМИ РЫЖИХ КОНЯХ ОСКЮС-УУЛ.

Жил Оскюс-Уул, парень-сирота, который владел семью рыжими конями. И жилище его - чадыр был из скошенного сена, да и парень был засоней. Так однажды спал он, утром встал — одного из рыжих коней волк утащил. «На шести конях и шесть гор можно перевалить», — подумал он и снова уснул. Утром посмотрел — еще одного коня волк утащил. «На пяти конях и пять гор можно перевалить», — подумал он и снова уснул, утром посмотрел — еще одного коня волк утащил. «На четырех конях и четыре горы можно перевалить», — подумал он и снова уснул. Утром посмотрел — еще одного коня волк утащил. «На трех конях и три горы можно перевалить», — подумал он и снова уснул, утром посмотрел — одного коня волк утащил. «На двух конях и две горы можно перевалить», — подумал он и снова уснул. Утром посмотрел — волк еще одного коня утащил. Один конь остался. «На одном коне можно и одну гору перевалить», — подумал он и снова уснул. Утром посмотрел — волк последнего коня утащил. Теперь, как будто только сейчас увидел, да услышал: «Погоди, волк, я доберусь до тебя», —

подумал он, поднялся и пошел по следам волка.

Пока шел, столько рек переплыл, столько гор перевалил, В пути он пришел к аилу одной старухи. Он зашел в аил старухи поговорить. Та старуха сварила бульон. Он поел-напился. У этой старухи, оказывается, детей было много. Затем бабушка спросила:

— Куда вы едете, по какому делу?

— У меня было семь рыжих коней, моих семерых рыжих коней волк утащил. Я же пошел их искать, — сказал он.

Та старуха ему сказала:

— Пойдешь отсюда, что возьмешь у хана волков, Бёрю-Каана?

Парень не знал, что, кроме своих коней, что требовать у хана волков. Тогда старуха продолжила так:

— Пойдешь отсюда по следам, увидишь следы Бёрю-Каана, которые ведут к одному обгорелому пню. Топнешь по тому месту, куда привели следы, оно окажется дверью. Войдешь, будет белый дворец - оргё. Внутри белого оргё на вещах будет лежать его шуба из лисьих шкур. Скажи: «Надо же, какая она красивая», — потом приподнимешь ее, встряхнешь, это будет супруга Бёрю-Каана. На вещах будет лежать шуба из волчьих шкур, скажешь: «Надо же, какая она красивая», — потом приподнимешь ее, встряхнешь, это будет сам Бёрю-Каан.

Старуха еще раз спросила:

— Доберешься до Бёрю-Каана, что ты возьмешь у него?

Когда она так спросила, он ответил:

— Что даст, то я и возьму, конечно.

— Что даст, то не бери. Есть у него «пегая, пегая кобыла», скажи, что ее возьмешь, ладно.

— Ладно, — ответил он.

Затем Оскюс-Уул вышел из аила этой старухи, пошел по следам волка. Много рек переплыл, много гор

перевалил, пока преследовал волка, дошел до одного черного пня, к которому привели следы. Когда он топнул по следам, оказалось, что это аил Бёрю-Каана. Открылась дверь. Осмотрелся, внутри оказался белый войлочный аил. Он увидел, что на вещах лежит шуба из лисьих шкур.

— Надо же, какая красивая шуба, — сказал он и встряхнул ее, а эта оказалась супруга Бёрю-Каана.

Подойдя еще ближе, он увидел, что на вещах лежит шуба из волчьих шкур. Когда он, взял ее, встряхнул, это оказался сам Бёрю-Каан.

Потом они о житье-бытье поговорили, завели долгий разговор и беседу.

Бёрю-Каан сказал своим слугам:

— Пришел, оказывается, гость, который ни разу не приходил, заколите скот, который от сытости уже не может ходить. Зашел, оказывается, гость, который ни разу не заходил, заколите скот, который от упитанности уже не может жеваться. Хан выдвинул золотой стол, яства аламашикир разложил. После того, как поели и насытились, спросил:

— Теперь ты что возьмешь? То, что я угнал твоих коней, это правда. То, что я виноват, это правда. Я тебе должен что-нибудь дать, иначе нельзя.

— Что бы ты ни дал, не возьму. Есть «пегая, пегая кобыла», возьму ее, — ответил парень - сирота.

Тогда Бёрю-Каан, отвернувшись, плача, повернувшись, смеясь, «пегую, пегую кобылу» привел.

— По дороге ты ее по кличке не называй, — велел он. Оскюс-Уул взял пегую кобылу за узду, пошел с ней обратно домой. По дороге, не доходя до аила той старухи, он подумал: «Погодите-ка, почему он велел не называть ее по кличке?» И сказал: «пегая, пегая кобыла», — из кобылы посыпались деньги, полилось масло. Он, собрал деньги,

поел масла, дальше пошел. До аила той старухи дошел. Во дворе играли дети.

— Дети, не называйте эту кобылу по кличке, ладно, — попросил он.

— Ладно, — ответили они.

Пока он заходил в аил, пока поел-насытился, пока с той старухой разговаривал, дети пегую кобылу спрятали, привели и привязали вместо нее такую же очень похожую пегую кобылу. Он поел и насытился, вышел, взял пегую кобылу за узду, направился к своему чадыру из сена.

Добрался до своего чадыра из сена, пегую кобылу привязал. Когда он сказал: «Пегая, пегая кобыла», — ничего не произошло. Тогда он, привязал пегую кобылу, зашел в свой чадыр из сена, уснул. Выспался, поднялся и сказал: «Бёрю-Каан, я доберусь до тебя», — затем снова двинулся в путь. Направился к аилу Бёрю-Каана, много рек переплыл, много гор перевалил.

Дошел до аила той старухи. Когда зашел в аил старухи, поел бульон, потом сидели разговаривали, тогда старуха спросила:

— Теперь пойдешь, что возьмешь?

— Что даст, то и возьму, — ответил он.

— Что даст, то не бери. У изголовья очага будет стоять обгоревший сундучок, скажи, что возьмешь его, — сказала она.

— Ладно, — сказал он.

Он дальше пошел. Дошел до аила Бёрю-Каана.

Бёрю-Каан:

— Пришел, оказывается, гость, который ни разу не приходил, заколите скот, что не может ходить. Зашел, оказывается, гость, который ни разу не заходил, заколите то, что не может жевать.

Выдвинул он золотой стол, яства- алама-шикир разложил. Когда поели, наелись, он спросил:

— Теперь что ты возьмешь?

— Ну, что бы ты ни дал, не возьму. Вот у изголовья очага стоит обгоревший сундучок, возьму его, — сказал, оказывается, Оскюс-Уул.

Бёрю-Каан, отвернувшись, плача, повернувшись, смеясь, сундучок принес.

— В пути крышку не открывай, ладно, — велел он.

— Ладно, — ответил Оскюс-Уул.

На обратном пути, много рек переплыл, много гор перевалил. Дошел он до одного места, открыл крышку, вдруг народ и племя зашумели, белые табуны заржали, поднялся шум. Парень испугался, крышку тут же закрыл. Дошел до аила той старухи. Во дворе дети по-прежнему играли.

— Этот сундучок не трогайте, ладно, дети, — сказал он.

— Ладно, — сказали они.

Сам зашел в аил, пока ел, да пил, разговаривал, дети тот обгоревший сундучок унесли и спрятали, принесли другой обгоревший сундучок. Похожий – препохожий.

Ни о чем не догадываясь, он взвалил на плечо обгоревший сундучок, добрался до своего чадыра из сена. Когда добрался, парень открыл крышку сундучка, то ни шума, ничего не было. Обгоревший сундук он отодвинул в сторону, отдохнул, выспался. «Погоди, Бёрю-Каан, я доберусь до тебя», — подумал он и опять двинулся в путь.

Затем он снова пришел к аилу той старухи, который стоял на середине пути. Зашел в аил, поговорил, пил, ел бульон.

— Теперь пойдешь, что возьмешь? — спросила она.

— А что даст, то и возьму, — ответил он.

— Что бы ни дал, не бери. Есть у него «такыл-тукул,

гладкий костыль, тастан-тустан, желтый пузырь». Скажи, что возьмешь его, ладно, — сказала она.

— Ладно, — сказал он.

И дальше пошел. День наступит — у него отдыха нет, ночь наступит — у него сна нет. Дошел он до айла Бёрю-Каана.

Теперь же Бёрю-Каан вышел встречать Оскюс-Уула. Выдвинул он золотой стол, разложил яства - алама-шикир.

— Пришел, оказывается, гость, который ни разу не приходил, заколите то, что не может ходить. Зашел, оказывается, гость, который ни разу не заходил, заколите то, что не может жевать, — сказал он, угощая Оскюс-Уула.

Поели и наелись.

— Что теперь возьмешь? — спросил он.

— Что бы ни дал, не возьму. «Такыл-тукул гладкий костыль, тастан-тустан желтый пузырь» есть, их возьму, — сказал Оскюс-Уул.

Бёрю-Каан, отвернувшись, плача, повернувшись, смеясь, принес его.

— По дороге по имени его не называй, ладно, — сказал он.

Он шел и произнес: «Такыл-тукул гладкий костыль, тастан-тустан желтый пузырь». Тогда этот гладкий костыль стал Оскюс-Уула колотить. Не зная, как его остановить, кое-как выговорил: «Бып!», — тот остановился. Какое-то такое слово вспомнил и сказал, оказывается.

И дальше пошел. Дошел до айла старухи. Те же дети по-прежнему играли.

— Не называйте вот это по имени, ладно, — так им сказал.

— Ладно, — сказали дети.

Зайдя в аил, пока разговор-беседу вел, пока пил,

ел бульон, как только дети произнесли: «Такыл-тукул гладкий костыль, тастан-тустан желтый пузырь», — так гладкий костыль стал всех детей колотить.

Началась суета, послышались крики, просьбы, плачи, рыдания:

— Пожалуйста, остановите его! Приведем мы вашу пегую кобылу, принесем обгоревший сундучок, остановите его!

Тогда Оскюс-Уул вышел и сказал: «Бып!» — костыль остановился.

Дети, испугавшись его, привели «пегую, пегую кобылу», принесли обгоревший сундучок. Все это он забрал, направился к своему чадыру из сена. Дошел до своего чадыра из сена, затем сказал: «Пегая, пегая кобыла», — из пегой кобылы посыпались деньги, полилось масло. Открыв крышку обгоревшего сундучка, зашел в свой чадыр из сена и уснул, оказывается.

Когда он выспался, проснулся, то оказалось, что он лежит в белом войлочном айле, очень красивый аил, оказывается. Поднялся и увидел, что возле очага сидит какая-то молодая женщина; лицом отвернется — как сияние луны, лицом повернется — как сияние солнца. Видит он, у изголовья очага пара золотых сапог прислонена. Он поднялся, удивился: «Как же это я так разбогател?»

Когда он, не в силах посмотреть на красоту молодой женщины, прищуриваясь, закрыл глаза и пошел к выходу:

— Что с тобой? Надень свои золотые башмаки, — сказала она. Прищуриваясь, чтобы не ослепнуть от красоты этой молодой женщины, он одел золотую обувь. Вышел из своего айла и видит, белые табуны весь Алтай заполнили, народ и племя всю землю заполнили, оказывается. Сам себе он удивляется. «Как же это я так

разбогател?» Затем вошел в аил и увидел, что красивая молодая женщина выдвигает золотой стол, раскладывает яства - алама-шикир.

— Садись, поешь, — сказала она.

Так с тех пор Оскюс-Уул стал жить в мире, да в покое.

Пока они так жили, рядом с их аилом поселился хан Ак-Бий. Однажды к ним в гости зашел Ак-Бий. Зашел, о житье-бытье расспросил, начал разговор и беседу. Сам же Ак-Бий про себя восхищался красотой жены Оскюс-Уула. Про себя подумал: «Есть ли такая хитрость, чтобы обмануть его и жену отнять?» Потом он предложил:

— Устроим состязание? Я три раза буду прятаться. Если ты меня три раза найдешь, то забереешь моих детей-наследников, мое ханство, мои белые табуны — все мое богатство. Если я тебя три раза найду, то заберу твой народ, твою жену, твой белый скот, согласен ли ты?

Услышав такое, Оскюс-Уул сильно растерялся, погрузился в мрачные мысли. «Согласен» сказать не решался, «нет» сказать не мог, такое вот дело оказалось. Он посмотрел на свою жену, она подмигивала ему: «да» скажи, скажи «сделаю». Тогда Оскюс-Уул решился:

— Да, устроим, конечно.

Сначала должен был прятаться Ак-Бий, после него - Оскюс-Уул.

Теперь Ак-Бий поехал в свое стойбище, чтобы прятаться. Оскюс-Уул же должен был его искать.

Теперь Оскюс-Уул, не находя выхода, туда-сюда прохаживался. «Погоди, где же теперь его искать?» — думал он.

Тогда жена ему подсказала:

— Поезжай в аил Ак-Бия, — говорит, — прикинься, что ты ищешь его там-здесь, присмотришься, на двери будут торчать три прямые ветки жимолости. Скажи: «Надо же,

какие хорошие ветки жимолости, то ли из них сделать палки», — вытащи из ножен свой нож.

Теперь Оскюс-Уул приехал в аил Ак-Бия. Делая вид, что там - здесь ищет, на двери он увидел три прямые жимолости.

«Надо же, какие они хорошие, чтобы сделать палки для хозяйских дел, какие хорошие жимолости, — сказал и вынул нож из ножен, только было занес его, как голос Ак-Бия его остановил:

-Пожалуйста, не режь, — это был Ак-Бий.

Так он нашел Ак-Бия в первый раз. Теперь Оскюс-Уул поехал в свой аил, чтобы прятаться. Вернулся в свой аил, туда-сюда стал расхаживать, зайдет-выйдет, ищет место, куда спрятаться.

— Ты чего это расхаживаешь? Где собираешься прятаться? — когда спросила его жена:

— А где же еще прятаться, под какими-нибудь вещами, среди посуды, где-нибудь во дворе, — сказал он.

— Ну-ка, пойдти сюда, — сказала она.

Когда он подошел, она дунула в его ладонь. Дунула в его ладонь, превратила его в портянку. Потом бросила под кровать. Теперь сама сидит шьет.

Ак-Бий приехал в аил Оскюс-Уула. Всюду его искал, обошел кругом все загоны-кошары. Он долго ходил, но Оскюс-Уула не нашел.

— Ну, что делать? Не нашел, — признался он.

— Ты что, не видишь человека, лежащего возле тебя, что это с тобой, — с этими словами Оскюс-Уул поднялся из-под кровати.

Теперь Ак-Бий уехал прятаться второй раз. Оскюс-Уул, остался и снова стал думать: «Ну, где же теперь его искать?»

Жена подсказала ему:

— Теперь пойдешь отсюда, ищи его внутри и снаружи аила, всюду ищи, там — здесь все обойди. Притворись, будто ищешь его, в аиле на вещах будут лежать три новеньких напильника, возьми и потри их друг об друга.

Оскюс-Уул выслушал ее, уехал, направляясь к аилу Ак-Бия. Он зашел в аил Ак-Бия, там-тут поискал, обошел вокруг аила, увидел под вещами лежат три новых напильника.

— Надо же, какие хорошие напильники, — сказал, он и потер их друг об друга.

— Подожди, парень, остановись, — сказал Ак-Бий и появился в своем облике.

Оскюс-Уул выиграл второе состязание, уехал домой. Вернулся в свой аил, спросил у своей жены:

— Теперь куда мне спрятаться? — сам же туда-сюда заглядывает, туда-сюда расхаживает.

— Ну-ка, пойдти сюда, — сказала жена.

Когда супруг подошел к ней, она дунула в его ладонь. Он превратился в уголь, она бросила его поближе к очагу.

Ак-Бий же приехал искать Оскюс-Уула, всюду его искал, все портянки перерубил, однако так нигде и не нашел:

— Ладно, не нашел, — он сказал.

— Как ты не видишь человека, который греется возле огня? — сказал Оскюс-Уул и поднялся рядом с очагом.

Ак-Бий проиграл второе состязание и уехал свой аил прятаться для третьего состязания.

Когда Оскюс-Уул, задумался о том, как же ему найти Ак-Бия и стал расхаживать туда-сюда, жена подсказала:

— Теперь отсюда приедешь к аилу Ак-Бия, будто ищешь, там здесь поищи, туда-сюда пройди, зайдти в кошару, там будет много овец. Среди этих овец три барана будут ходить. Скажи: «Надо же, устал-утомился я. Заколю-ка я одного барана, сварю мяса, отдохну, потом снова буду

искать», — поймай одного, свали его.

Оскюс-Уул приехал в аил Ак-Бия, там - тут поискал, законы-кошары обошел, делал вид, что всюду его ищет; когда зашел в кошару, то среди многочисленных овец ходили три барана. Одного из баранов он поймал:

— Устал и утомился, заколю-ка я его, сварю, да приготовлю, поем, да наемся и снова буду искать, — сказал он, свалил одного из них, вот-вот готов был зарезать его:

— Подожди, парень, остановись! — сказал Ак-Бий. Ак-Бий, приняв свой облик, поднялся.

Оскюс-Уул выиграл третье состязание и поехал домой прятаться.

Вернулся в свой аил, туда-сюда расхаживает, ищет место, куда спрятаться; тогда жена сказала:

— Ну-ка, подойди сюда.

Когда он подошел, она дунула в его ладонь, превратила его в наперсток. Рядом с собой положила, сама сидит шьет.

Ак-Бий приехал. Всюду искал, все вокруг разбросал, все портянки перерубил, все угли раздробил. Никого не нашел.

— Ладно, не нашел, — сказал он.

— Как ты не видишь человека, который сидит рядом с женой и заигрывает с ней, что это с тобой? — сказал Оскюс-Уул, тут поднялся.

Проиграв третье состязание, Ак-Бий сказал:

— Ну, что делать? Три состязания ты выиграл. Теперь, когда ты выиграл три состязания, мне придется попросить тебя, чтобы ты исполнил еще одну мою просьбу. Придется тебе выслушать мою единственную просьбу. У подземного хана Эрлика-Бия есть мои две золотые варежки, привези их мне. Исполнишь это, свой народ, свою жену, своих детей, свое огромное богатство — все придется тебе отдать. Только исполни эту просьбу.

От услышанного Оскюс-Уул растерялся. Сказать:

«исполню» не может, сказать «не исполню» не смеет. Потом жена ему подмигивает, мол, скажи: «Поеду, исполню».

— Ну, что делать? Если так, то я исполню вашу просьбу, выполню ваше поручение, — сказал он.

Выслушав его ответ, Ак-Бий каан направился в свой аил. Когда Ак-Бий уехал, Оскюс-Уул остался в своем аиле, стал дальше жить, погрузился в мрачные мысли. Супруга его увидела это, тут же ему подсказала:

— объезди свой народ, пересчитай свои белые табуны, погляди на свои белые табуны. Среди табунов есть четырехлетний темно-рыжий жеребец, он будет смотреть на юг и ржать, если такого жеребца найдешь, то будет он твоим конем, на котором будешь ездить, — сказала. — Поймай его, — сказала.

Теперь Оскюс-Уул оседлал своего бело-серого коня, сел на него, поехал, объехал свой племя-народ, все осмотрел, белые табуны пересчитал. Среди белых табунов стоял четырехлетний темно-рыжий жеребец, Оскюс-Уул поймал его. Он домой вернулся с пойманным жеребцом. Супруга выдвинула золотой стол, разложила яства - алама-шикир. Вдвоем в ладу-согласии посидели, поговорили.

— Теперь, когда тебе надо будет уезжать, как поедешь? — спросила она Оскюс-Уула.

— Но хитрость-совет о том, как ехать, придется услышать от тебя, — ответил он.

— Перед тем как ехать, возьми с собой две кожаные сумы с углями, две железные кожемялки, пальчики девяти зверей, головы девяти зверей, — так она сказала. — Потом, когда туда поедешь и как въедешь в пасть земли, погрузишься в серую мглу. Еще дальше поедешь, будет непроходимая чаща черных кустарников, где даже змее не проползти. Пробираясь сквозь них, так скажи: «Надо

же, какие они красивые, детям бы увезти, какие красивые кустарники». Тогда они сами посередине расступятся. Еще дальше поедешь, ядовито-желтое море растянется. Так скажи: «Надо же, какое хорошее море, если бы я не торопился, то коня бы напоил». Еще дальше поедешь, будет лежать ядовито-желтая грязь. Скажи: «Надо же, если б я не торопился, то дал бы коню здесь соль полизать». Все, что велела, перед тем как ехать, все исполни, — так сказала она.

Те все наказы он исполнил. Четырехлетнего темно-рыжего коня оседлал, в путь-дорогу собрался. Все, что приготовил, он навьючил, с женой-другом попрощался, дальше в путь отправился. Много рек переплыл, много гор перевалил.

Он ехал и доехал до пасти земли. Доехал он и с лунной-солнцем попрощался, попросил у них благословения, дальше прыгнул в пасть земли. Когда он дальше поехал, то наступила серая мгла. Еще дальше поехал, встретилась непроходимая чаща кустарников, где даже змее не проползти.

— Надо же, если бы я не торопился, то наломал бы, чтобы детям увезти, — сказал он, когда так сказал, кустарники надвое расступились.

— То, что хотите взять, берите, что хотите есть, ешьте. Языкастым не дай себя оскорбить, плечистым не дай до себя дотронуться. Пусть твой путь счастливым будет, — так благословили они его.

Все дальше едет, перед ним растянулось ядовито-желтое море.

— Надо же, если бы я не торопился, то коня бы напоил, — когда он так сказал, то оно на два разделилось.

— Языкастому не дай себя оскорбить, плечистому не дай до себя дотронуться. Пусть твой путь счастливым

будет, вернись снова на свой Алтай, — так благословило оно его.

Он проехал дальше. Еще дальше едет, ядовито-желтая грязь лежит.

— Надо же, если бы я не торопился, то с этой грязи коню дал бы соли полизать, — сказал он.

— За сказанное вас благодарю, — сказала грязь, на две разделилась. Самого же благословила:

— Языкастым не дай себя оскорбить, плечистым не дай до себя дотронуться. Пусть ваш путь будет счастливым.

Он дальше поехал. Еще дальше едет, его догнали два кузнеца.

— Из самого тебя сделаю угли, из коня твоего сделаю угли, — сказал каждый из них.

Он им высыпал из двух кожаных мешков угли.

— То, что хотите вы взять, берите, то, что хотите вы съесть, ешьте. Языкастым не дайте себя оскорбить, плечистым не дайте до себя дотронуться. Пусть путь ваш счастливым будет, — сказали они.

Он дальше едет, его догнали два верблюда

— Об тебя самого буду тереться, об твоего коня буду тереться, — сказал каждый из них.

Он воткнул в землю две железные кожемялки.

— То, что хотите вы взять, берите, то, что хотите съесть, ешьте. Пусть путь ваш будет счастливым. Языкастому не дайте себя оскорбить, плечистому не дайте до себя дотронуться, — так благословили они его.

Еще дальше едет, его два кажыкчы - игроки в пальчики, догнали:

— Самого на пальчики разделаем, твоего коня на пальчики разделаем, — сказали они.

Он высыпал пальчики девяти зверей.

— То, что хотите вы взять, берите, то что хотите съесть, ешьте, — сказали они. — Языкастому не дайте

себя оскорбить, плечистому не дайте до себя дотронуться, — благословили они его.

Он дальше поехал.

Потом к нему прилетели два ворона.

— У тебя самого глаза выключем, у коня твоего глаза выключем, — сказали они.

Он им бросил глаза девяти зверей. — То, что дано вам взять, берите, то, что дано вам съесть, ешьте. Пусть путь ваш будет счастливым. Языкастому не дайте себя оскорбить, плечистому не дайте до себя дотронуться, — сказали они.

Еще дальше едет, его догнали два пса.

— Съедем твою голову, съедем голову твоего коня, — сказали они.

Он им бросил головы девяти зверей.

— То, что хотите взять, берите, то, что хотите съесть, ешьте, языкастому не дайте себя оскорбить, плечистому не дайте до себя дотронуться, — сказали они.

Еще дальше едет, показалась черная двустворчатая дверь. Он привязал девять черных освященных лент - дьалама, поклонился, черная двустворчатая дверь отворилась.

— То, что хотите взять, берите, то, что хотите есть, ешьте. Пусть путь ваш будет счастливым. Языкастому не дайте себя оскорбить, плечистому не дайте до себя дотронуться, — благословила его. Он дальше поехал.

Приехав, он увидел, что виднеется черный оргё Эрлик-Бия. Эрлик-Бий сидит у порога, положив рядом свои две золотые варежки. Увидев это, Оскюс-Уул помчался, будто сто коней помчались, крикнул, будто сто человек крикнули. Когда он помчался прямо на Эрлик-Бия, тот, испугался, забежал в аил, четырехлетний темно-рыжий конь опустился на передние ноги, Оскюс-Уул, не

спешиваясь, схватил золотые варежки, поскакал обратно.

Увидев это, Эрлик-Бий сказал:

— Погоди-ка, я тебе сейчас! — оседлал своего крылатого черного быка, черный аркан свой свернул, следом за Оскюс-Уулом помчался догонять.

— Черная моя двустворчатая дверь, прегради дорогу! — сказал он.

— Ты же говорил, что я ночью и днем скриплю? — сказала она, ему самому преграждая дорогу, пропустила.

— Два моих пса, обглодайте голову ему самому, обглодайте голову его коню! — так крикнул он.

— Ты же говорил, что мы не оставляем на поле ни одного зверя, все обгладываем; говорил ведь, чтобы мы головы искали, — сказали они, ему самому дорогу преграждая, Оскюс-Уула пропустили.

Он дальше помчался:

— Два моих ворона, выключите глаза ему самому, выключите глаза его коня! — когда, так крича, ехал.

— Ты говорил ведь, что мы днем и ночью каркаем, не оставляем на поле целыми глаза ни одного зверя, что выклевываем все подряд, — так сказали они, самого там-и-тут клюнули, дорогу ему преграждая, отпустили.

Он дальше помчался:

— Два моих верблюда, потритесь об него самого, потритесь об его коня, свалите! — крикнул он.

— Ты же ведь говорил, что мы на поле ни одного дерева не оставляем, обо все подряд тремся, — сказали они, его самого чуть не свалив, потерлись, Оскюс-Уула пропустили.

— Два моих кузнеца, сделайте из него самого угли, из коня сделайте угли! — крикнул он.

— Ты же говорил, что не оставляем на поле ни одного дерева, все сжигаем для угля! — сказав, они ему самому дорогу преграждая, Оскюс-Уула пропустили.

Дальше проскочив, он доскакал до ядовито-желтой

грязи.

— Прегради дорогу ему самому, прегради дорогу его коню! — крикнул он.

— Ты же говорил, что я ядовито-желтая? — сказав, она ему самому дорогу преграждая, Оскюс-Уула пропустила.

— Ядовито-желтое море мое, прегради ему дорогу! — крикнул он.

— Ты же говорил, что я ядовито-желтое? — сказав, оно ему самому дорогу преграждая, Оскюс-Уула пропустило.

— Непроходимая моя черная чаша, в которой даже змее не проползти, прегради ему дорогу! — крикнул он.

— Ты же говорил, что я непроходимая черная? — сказав, она, ему самому преграждая дорогу, Оскюс-Уула пропустила.

Оскюс-Уул же уже был близок к пасти земли. Тогда Эрлик-Бий вслед ему крикнул:

— Сам приехал или по чьей-либо просьбе приехал?

— Уважаемый, не посмеяться над вами я приехал к вам, о вас ничего плохого не думал. Я — человек, приехавший по чужой просьбе, приехал по просьбе Ак-Бия. Он сказал, что у вас есть его две золотые варежки, просил привезти их.

— Если так, то передай Ак-Бию: «Пусть у Ак-Бия с женой глаза будут выпученными, пусть у них ноги будут кривыми, животы будут большими, пусть они вдоль берега болота в открытое поле уходят». Шестерым сыновьям Ак-Бия передай: «Пусть их сухожилия двух ног узловатыми будут, пусть посередине перерезанными будут. Пусть они в разные стороны, туда, где красные листовницы, разбредутся,» ладно, — так Эрлик-Бий попросил передать свои проклятья Ак-Бию.

— Ладно, — ответил Оскюс-Уул.

Не успел Оскюс-Уул покинуть земли подземного хана, как проклятье Эрлик-Бия исполнилось, Ак-Бий с женой

превратились в лягушку, а сыновья его разбрелись по свету.

Оскюс-Уул же выбрался в свой лунно-солнечный Алтай. Поклонился луне и солнцу, дальше поехал, направляясь в свой родной дом. Много рек переплыл, много гор перевалил, он доехал до своего дома, вернулся в свой аил. Вернулся, поздоровался с женой, поговорил о житье-бытье, успокоился. Теперь успокоился, сидит, жена его выдвинула золотой стол. Яства - алама-шикир разложила. Оскюс-Уул поел, насытился, повел беседу-разговор, затем он спросил:

— Как поживает Ак-Бий?

Жена ответила:

— Все по-прежнему.

Потом она рассказала ему о том, как после его отъезда к ним приезжали сыновья Ак-Бия.

Сначала приехал младший сын Ак-Бия. Приехал, увидев красоту жены Ёскюс-Уула, младший сын Ак-Бия удивился. Человек, приехавший утром, просидел до вечера.

— Что это вы делаете? Уезжать собираетесь или хотите остаться ночевать? — спросила жена Оскюс-Уула.

— А если можно переночевать, то переночую, — сказал он.

— Ну, если хотите остаться, тогда закройте эту дверь, — велела она.

Взявшись за дверь, младший сын Ак-Бия забылся. Когда он опомнился, оказалось, что он до рассвета с дверью провозился. Когда сын Ак-Бия понял это, то очень смутился. Он сел на коня, поскакал к своему аилу. Домчался до аила и сказал своим братьям:

— Жена Оскюс-Уула очень красивая.

Услышав это, другой брат, который был постарше его, поехал посмотреть на жену Оскюс-Уула. Он приехал в аил Оскюс-Уула, увидел красоту жены Оскюс-Уула, поразился.

Человек, приехавший утром, до вечера просидел.

— Вы собираетесь уезжать или хотите остаться ночевать?

— Ну, если можно переночевать, то переночую, — сказал он.

— Ну, если хотите остаться ночевать, то отодвиньте эту головешку, — велела она.

Взявшись за головешку, сын Ак-Бия забылся. Опомнился, понял, что он до рассвета с головешкой провозился. Он очень смутился, поэтому сел на коня, поскакал к своему аилу. Домчался до своего аила, рассказал все старшему брату. Выслушав его, брат прибыл в аил Оскюс-Уула, чтобы увидеть его жену. Человек, приехавший утром, до вечера просидел, восхищаясь красотой жены Оскюс-Уула.

— Что это с вами, вы сегодня здесь хотите остаться ночевать или уезжать собираетесь? — спросила она.

— А если можно переночевать, то переночую, — сказал он.

— Если хотите остаться ночевать, то закройте дымоход, — велела она.

Забравшись на дымоход, он провозился до рассвета с этим дымоходом, от этого очень смутился. Пристыженный он сел на коня, поскакал к своему аилу. Сказал о красоте жены Оскюс-Уула своему брату, который был постарше его. Тогда тот брат отправился. Он прибыл в аил Оскюс-Уула, приехавший утром, до вечера просидел, восхищаясь красотой жены Оскюс-Уула.

— Что же вы сегодня здесь хотите остаться ночевать или собираетесь уезжать? — спросила она.

— А если можно переночевать, то переночую, — ответил он.

— Ту крышку в сторону уберите, — велела она.

Взявшись за крышку, он забылся. До рассвета с крышкой провозился.

Пятеро сыновей Ак-Бия, все пятеро, приезжали, все пристыженные уехали, оказывается.

Теперь про этот случай супруга Оскюс-Уулу рассказала. После того, как отдохнул, наелся и напился, собираясь спать, Оскюс-Уул лег на постель. Когда жена Оскюс-Уула тоже собралась рядом лечь, он пнул ее ногой.

— Что же не идешь к сыновьям Ак-Бия, зачем сюда пришла? — сказал он.

— Что с тобой, мой милый, ты вправду так говоришь или шутишь?

— Конечно, я говорю правду, кто с тобой шутит? — с этими словами он еще три раза пнул ее, затем уснул.

Поспал, когда проснулся, ни белого ковра - ширдека, ни мягкой кровати, ни белого войлочного аила нет; лежал он один в своем чадыре из сена. Удивился:

— Погоди, волк, я до тебя доберусь, — сказал он.

Потом поднялся и пошел. Много рек переплыл, много гор перевалил. По дороге зашел в аил той старухи. Поел он бульон. Старуха ему ничего не сказала. Никакого наказания не было.

Он дальше пошел, добрался до аила Бёрю-Каана. У Бёрю-Каана он спросил:

— Где моя жена, мой народ, мои белые табуны? Опять сюда перенес, наверное?

— Что с тобой? Твоя жена, твои белые табуны на дне озера поселились, — сказал тот.

— Как мне туда добраться? — спросил Оскюс-Уул.

Привяжи на шею камень, прыгни туда, так доберешься, — ответил он.

Оскюс-Уул привязал на шею камень, прыгнул в озеро, так кончилась его жизнь.

СТАРУХА – БОГАТЫРША САНАА-МЕРГЕН.

У подножия тенистой черной горы, на песчаном берегу родника жил Караты-Каан, едущий на вороном иноходце. Однажды семеро сыновей Караты-Каана охотились и увидели — ветхое жилище - чадыр стоит. Из его дымохода дым тянется до синего неба. Голодные и усталые семеро сыновей Караты-Каана примчались к шалашу. С коней не сойдя, закричали и стали плетками хлестать шалаш. Не услышав ответного голоса, семеро парней спешили с коней, зашли в аил. На женской половине аила старуха сидела, готовила масло и сушеный сыр- курут. Увидев это, семеро братьев стали отбирать друг у друга масло и курут. Облизывая ладони, они стали жадно есть. Сосут свои пальцы и удивляются.

— Есть еще масло? — орут они.

— Сейчас же доставай курут! — наседают на старуху.

— Нет-нет, дети мои, это последнее, — так ответила старуха и стала молитвенно поглаживать свои седые волосы.

— Если не дашь, то вот тебе! — сказали они и ударили плеткой старуху по спине.

— Благодарим за твое угощение! — сказали они и ладонями стали бить ее .

Потом сели на коней, вернулись в свое стойбище. Увиденного и услышанного не стали скрывать, рассказали своему отцу Караты-Каану: «В желтой степи, где сороки летают, в бледно-желтой степи, где вороны летают, на берегу желтой реки живет Санаа-Мерген, у нее есть резвая рыжая коза, доит она сорок, чтобы масло сбить, доит она ворон, чтобы курут делать, сына у нее нет, дочери у нее нет, чтобы кормить, нижняя губа у нее отвисла, разум у нее помутился, масло и курут у нее в изобилии. Мы,

попробовали ее масло и пальцы свои сжевали, съели ее курут, руки свои облизывали. Очень вкусная еда была, не заметили даже, как проглотили».

У Караты-Каана от жадности слюни потекли. В аиле ему не сидится. «Старуху нужно сделать рабыней, пусть пищу готовит», — сказал он. Достал бумагу и написал ей самара-послание. Приказал соколу, сидящему на дымоходе: «Доставь!»

Однажды, когда старуха, подоила своих сорок, сидела, сбивала масло, подоила своих ворон, делала курут, из дымохода упало самара-послание. Старуха, охая и ворча, подняла послание, прочитала: «Завтра на рассвете придешь к моим дверям, принесешь мне приготовленное тобой масло и курут. Не выполнишь мой приказ, сделаю тебя рабой, которая должна ходить под плеткой, сделаю тебя служанкой, которая должна готовить еду. Если есть у тебя стрела, чтобы стреляться, если есть у тебя сила, чтобы схватиться, поднимись на вершину черной горы, жди у высокого черного оврага. Я Караты-Каан, повелевающий многочисленными народами».

Прочитав это, не сердившаяся Санаа-Мерген рассердилась, не гневавшаяся разгневалась.

— Хочет посмеяться, пусть смеется, хочет унижить, пусть унижает. Чем быть рабой под плеткой, лучше я сражусь с Караты-Кааном, — сказала она.

Из травы сделала стрелу, из камыша сделала лук. Попробовала свое масло и курут, испила из своей желтой реки, вышла в желтую степь, погладила свои седые волосы, села на свою резвую рыжую козу, направилась к черной горе. Отбрасывая копытами желтый песок, резвая рыжая коза быстро помчалась напрямик. Через некоторое время поднялась она на черную гору, добралась до черного оврага. Пока Санаа-Мерген, спешила с

резвой рыжей козы и устраивала засаду, Караты-Каан во главе своего глупого войска вел за собой своих семерых сыновей. Вот они добрались до вершины черной горы. Их черные кольчуги блестели, сверкающие доспехи звенели. Увидев старуху на рыжей резвой козе, они стали смеяться, потешаясь над ней:

— Разве женщине стать шаманом! Разве стать ей мужчиной? Ее только и плеткой погонять. Что ты надумала, старая? Паршивая твоя коза стала тебе жеребцом, оказывается, сама же ты женщина стала мужчиной, оказывается, — говорили они и стали стрелять из луков.

Тут резвая коза, подобно ветру, помчалась на войско Караты-Каана. Мчится в одну сторону, по шестьдесят тысяч, обратно мчится, по пятьдесят тысяч воинов нанизывает на свои рога. Увидеть, услышать не успели, как резвая рыжая коза победила глупое войско Караты-Каана. От увиденного Караты-Каан брови свои надломил, нижнюю свою бороду выдрал.

— Старуха с отвисшими челюстями, ты уничтожила войско моего племени; противная впалыми щеками, ты победила моих воинов! — крикнув он и натянул свой железный лук, пустил свою живую стрелу в старуху.

Поверхность земли содрогнулась, земля-небо громыхнули. Живая стрела Караты-Каана прямо в старуху попала. Как будто о камень ударились, отскочила и сломалась посередине.

— У матери одна рожденная, у отца одна я оставшаяся, лук мой из травы, стрела моя из камыша, пронзи грудь жадного, алчного Караты-Каана, того, кто поработил народы, не сделал ничего доброго для народа, не пожалел племени и народы, пронзи его грудь, коричневую кровь

его пролей, — с такими заклинаниями Санаа-Мерген выпустила свою стрелу.

Ветерок-ветер зашумел, деревья-камни закачались. Стрела из камыша, сердце Караты-Каана насквозь пронзила, его семерых сыновей наповал убила. Окровавленное тело Караты-Каана в россыпь камней превратилось, его коричневая кровь, в озеро превратилась, заплескалась.

Старуха победила злодея Караты-Каана, села на свою резвую рыжую козу и направилась в свою желтую степь. Долгие века страдавший в рабстве черный люд Караты-Каана ее угощает яствами - алама-шикир, затем провожает, много разных красивых песен ей вслед слагает.

— Спокойно вам доехать, — благословили они ее.

Пока она ехала, через дорогу мышь пробежала. Резвая рыжая коза, испугалась, с дороги в сторону шарахнулась. Оба ее уха вздрогнули. Упала Санаа-Мерген посреди широкой дороги. Упала так, что не могла подняться, и там же скончалась. Красивые цветы покрыли ее останки, качаясь, остались позади. Резвая рыжая коза стала животным желтой степи, сайгаком, ушла в желтую степь.

Она теперь водит диких животных к желтой реке и пасется в желтой степи.

УНЕСЕННЫЕ В НЕБО СЕМЬ БРАТЬЕВ.

Давнее-давнего, в давние времена по мшистой земле бродили семеро парней-сирот, у них не было ни матери, которая бы их выкормила, не было ни отца, который бы их вырастил. Вокруг земли семь раз обошли, весь Алтай шесть раз обошли.

Как-то они к поселению одного хана пришли. Вскормленный им белый скот всю поверхность Алтая заполнил, народ-племя его всю землю заселил. Скот его — как черный лес, народ-племя его — как кусты акации. Вскормленный им белый скот не различить по шерсти, а народы-племена языки друг друга не понимают. Белый дворец - оргё его, который на коне не объехать, стоит, достигая бело-синего неба, золотая коновязь его, к которой коней привязывают, стоит, достигая луны и солнца. Увидев это, семеро парней-сирот, белые стада его обошли и направились к белому оргё. Луноподобную двустворчатую дверь с шестьюдесятью шестью зеркалами отворили и зашли в белый оргё. Зашли и справились о покое-здравии, затем уселись у изножья огня, приветствовали хана.

Хан у них спросил:

— Откуда прибыли вы, дети, в какую землю направились? Кто ваш отец, вырастивший вас, кто ваша мать, выкормившая вас?

Семеро парней ответили:

— Не знаем вырастившего нас отца, не знаем выкормившей нас матери. Мы - бродячие люди. Хотим поесть, жажду утолить, устали мы, дайте нам еды.

Хозяин аила — хан сказал:

— Поймайте любую скотину, заколите, ешьте какую вам надо. Семеро парней обрадовались, словно их лунному слуху послышался золотой голос кукушки. Они выбежали

из белого оргё. Забрались в середину табуна, поймали одну яловую кобылицу, закололи, зажарили и за день съели. За семь суток семь яловых кобылиц съели. Увидел это хан и понял, что они могут съесть весь белый табун. К семерым парням отправил посыльного: «Пусть сейчас же придут ко мне в аил».

Семеро парней, выслушали посыльного, прибыли в аил хана. У одного из семи парней хан спросил:

— Для какого дела ты предназначен?

Самый старший брат ответил:

— Я вот этих своих шестерых братьев переплаваю через любую большую реку.

У брата младше его он спросил:

— Для какого дела ты предназначен?

— Не успеете туда отвернуться и сюда повернуться, я что-нибудь украду.

У брата младше его он спросил:

— Для какого дела ты предназначен?

— Я вот этих своих шестерых братьев огражу от любой войны, спасу из любого огня.

У брата младше его он спросил:

— Для какого дела ты предназначен?

— Я родился очень метким стрелком, пристрелю лунокрылую птицу, не дав ей улететь до дна неба, застрелю червяка, не дав ему уползти в землю.

У брата младше его он спросил:

— Для какого дела ты предназначен?

— Я поймаю то, что с неба будет падать. Хан подумал и парням сказал:

— На той стороне вот этого безбрежного черного моря еще один хан живет, оказывается. Отберите у него жену и привезите ее. Тогда я освобожу вам свой трон - шире. Вместо меня будете ханами. Заберете мой белый скот,

будете править моим многочисленным, как чаща, народом. Я уйду со своего шире.

Семеро парней согласились. Вышли из белого оргё и направились к черному морю. Добрались они до берега черного моря и шестеро братьев сказали самому старшему так:

— Как ты хвалился перед ханом? Переправь нас через это море.

Старший брат посадил на себя шестерых братьев, переплыл море. Выбрались они на другой берег, сказали второму: «Ты давеча хвалился перед ханом мол, ты вор. Выкради жену хана».

Тот брат, назвавшийся вором, ушел в оргё хана. Спящую на кровати жену хана похитил и утащил ее на себе. Вернулся с похищенной ханской женой на берег черного моря, старший брат посадил всех на спину, переплыл черное море. Когда доплыли до середины моря, жена хана проснулась. Горько-прегорько причитая, визжа, закричала. Услышав крики жены, хан проснулся. Собрал свое войско, подобно темному лесу, и вслед за семерыми сиротами отправил с приказом: «Немедленно отберите ее и верните».

Им вдогонку помчалось лютое войско. Семеро братьев переплыли море, увидели, что следом за ними идет войско, как темный лес. Тогда они сказали тому брату, который обещал, что защитит их при любой войне: «Давеча не ты ли хвалился перед ханом? Огради нас сейчас от преследующей нас войны».

А тот парень, тут же выдернул вместе с корнями железный тополь, касающийся неба, начал колотить им войско, которое было подобно темному лесу. Он уничтожил все войско хана, подобное темному лесу, победил.

Увидел это хан - преследователь, выпустил им вслед двух своих одинаковых беркутов, сказал им: «Жену мою отнимите, верните». Два одинаковых черных беркута, осматриваясь, поднялись до дна неба, потом устремились вниз, схватили женщину за плечи, подняли ее к бело-синему небу, сами за белое облако, за синее облако скрылись. Увидев это, семеро братьев сказали брату, который хвастался хану: «Как ты хвалился перед ханом? Сейчас же пристрели этих беркутов».

Парень, послушавшись их, согнул дугой стебель травы-сыргалдын, смастерил лук. Сорвав головку сыргалдына, стрелу сделал и заговорил ее. Потом он заметил двух беркутов, летящих к бело-синим облакам, произнес заклинание: «Почуешь смерть мою, пролети, не задевая, пролети. Почуешь, что жить мне, отсеки их распростертые крылья, оборви их тонкое горло».

После того, как он так сказал, у него из большого пальца, которым он натянул стрелу, искры посыпались, из глаз его дым закружился. Вслед за двумя беркутами он выпустил стрелу. Стрела, пущенная парнем-сиротой, отсекала распростертые крылья двух беркутов, оборвала им тонкое горло. Супруга хана из глубины неба стала падать.

Шестеро братьев загомонили: «Ты перед ханом хвалился? Поймай эту женщину, не дай ей о землю разбиться, убить себя».

Парень-сирота навстречу побежал, поймал ее, не дал ей упасть.

Семеро братьев доставили женщину к хану, отправившему их. У хана, который увидел это, круглое сердце екнуло, крепкие кости ослабли. Не боявшийся, он забоялся, не пугавшийся, он испугался. Сказал семерым парням:

— Семеро братьев, у меня нет права отступаться от своего ханского слова. Вместо меня будьте ханами, — сказал — забирайте мой скот, как темный лес, забирайте мой народ, как кусты акации, — и покинул свой трон - шире.

Семеро парней же стали семь ханами. Они стали воевать с семьюдесятью семью ханами всей земли, туда-сюда их гоняли; не давали им мирного житья. Из Верхнего мира бог Юч-Курбустан увидел, как они завоевали и замучили многочисленных ханов всей земли и их подданных. Не в силах дальше смотреть на все это, Юч-Курбустан, колдовской заговор, нашептывая, проклял их: «Превратитесь в семь звезд, прилипните к небу».

Семеро братьев превратились в семь звезд, прилипли к небу, но стали разгонять звезды неба, воевать с ними, не давая им никакого покоя. Во время войны с созвездием Плеяды, одну звезду из них они в плен взяли. И сегодня эту плененная звезда рядом с ними иногда виднеется, а иногда ее не видно.

Не в силах дальше смотреть, как они не дают покоя звездам неба, Юч-Курбустан снова стал шептать свои колдовские заговоры, проклял их: «На веки вечные, из поколения в поколение вокруг пупа земли и неба — Полярной Звезды - Золотого Кола — кружитесь».

Теперь созвездие Большой Медведицы - Семи Ханов кружится вокруг Золотого Кола; в сторону не уходит. Семь Ханов не исчезают. Когда другие звезды скрываются, созвездие Семи Ханов кружится вокруг Золотого Кола, его ясно видно. Одна их примета — это то, что они кружатся вокруг Золотого Кола, другая — то, что рядом с ними видно плененную звезду из созвездия Плеяд.

ИСПОЛНИТЕЛИ И СОБИРАТЕЛИ СКАЗОК

М. Ч. Алтайчинов – сказка «Пожиратель детей Албын и молодая келин» в записи К.М.Макошевой;

К.Ептеев – сказка «Башпарак» в записи И.Б.Шинжина;

А. Казандыков – сказка «Три брата» в записи Пронькина;

А.Б.Курусканова - «Гонительница рода шестиглазая Карагыс» в записи Е.П.Кандараковой;

Д.К.Сунюшев – «Ездящий на семи рыжих конях Оскюс-Уул» в записи Т.М.Садаловой;

Е.Н.Чарлоякова – сказка «Отверженный Алтын-Каньпук» в записи Е.И. Тухмачевой;

Т.А.Чачияков – сказка «Унесенные в небо семь братьев» в записи К.Е.Укачиной;

Н.П.Черноева – сказка «Муж – рыжий пес» в записи Т.С.Тюхтенева;

А.Б.Чунижеков – сказка «Лиса – сваха и сирота Оскюзек» в записи А.Н.Бабаякова;

Н.К.Ялатов – сказка «Тайна сказителя Кайчи-Мергена и змей» М.А.Демчиновой;

Исполнитель сказки «Старуха богатырша Сана-Мерген» неизвестен, в записи Б. Канарина.

Содержание

Мир алтайских народных сказок	3
Тайна сказителя кайчи-Мергена и змей	4
Башпарак и семиголовое чудовище Дьелбеген.....	11
Пожиратель детей Албын и молодая келин	19
Гонительница Рода — шестиглазая Карагыс	26
Три Брата	45
Отверженный Алтын-Каньпук	51
Лисичка — сваха и сирота Оскюзек.....	60
Муж-Рыжий пес	66
Ездящий на семи рыжих конях	73
Оскюс-Уус.....	73
Старуха — багатырша Санаа-Мерген.....	94
Унесенные в небо семь братьев.....	98
Исполнители и собиратели сказок	103

